Мюриель Барбери

ТОЛЬКО РОЗА

От автора романа «Элегантность ежика»!
Новый долгожданный роман великолепной
Мюриель Барбери — впервые на русском!

Только роза
Мюриель Барбери

Аннотация
Мюриель Барбери. Только роза
На крыше ада
1
2
3
4
5
6
Глядя на цветы
7
8
9
10
11
12

Аннотация

«Только роза», новый роман Мюриель Барбери, знакомой российскому читателю по «Элегантности ежика», рассказывает о необычной женщине и о стране, познать которую дано далеко не каждому. Роза в Японии впервые. Отец, которого она никогда не видела, умер и оставил ей письмо. И случилось невероятное: проделав огромный путь, она очутилась в Киото, в доме отца, который занимался коллекционированием и продажей произведений современного японского искусства. Молодая женщина испытывает горечь и гнев, ведь у нее, не знавшей отца и рано потерявшей мать, по сути, украли жизнь. И все же каждый день она под руководством Поля, помощника отца, движется по странному маршруту, открывая для себя цветы, деревья, дворцы, храмы древнего города, и вместе с тем узнает новую себя. Ей открывается главное чудо жизни – любовь.

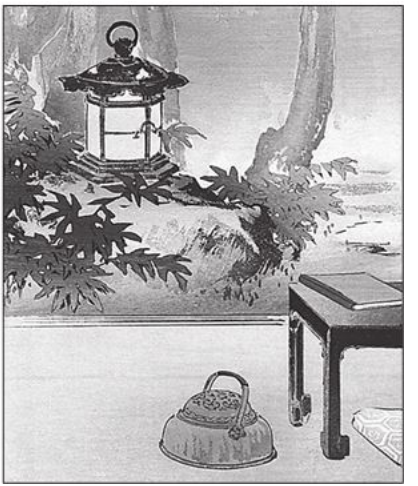
Впервые на русском!

Мюриель Барбери
Только роза

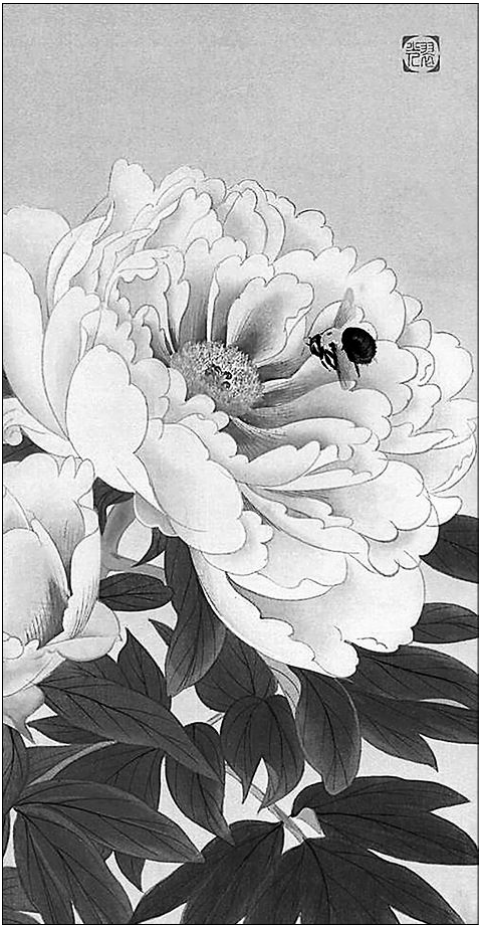
Посвящается Шевалье, всегда, и моим мертвецам

© Р. К. Генкина, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

На крыше ада



1



Рассказывают, будто в Древнем Китае, во времена правления династии Сун Северного периода[1], один князь каждый год приказывал высаживать поляну из тысячи пионов, головки которых в первые летние дни колыхались под ветерком. На протяжении шести дней, сидя на галерее деревянной беседки, где он имел обыкновение любоваться луной, время от времени выпивая чашечку светлого чая, князь смотрел на тех, кого называл своими девочками. На рассвете и на закате он прохаживался по поляне.

В начале седьмого дня он приказывал начинать избиение.

Слуги укладывали убитых красавиц со сломанными стеблями головками к востоку до тех пор, пока на поле не оставался один-единственный цветок, развернувший лепестки навстречу первым дождям муссона.

Следующие пять дней князь пребывал там, попивая темное вино. Вся его жизнь сводилась к этим двенадцати оборотам вокруг солнца; весь год он думал только о них; когда они проходили,

---

[1] Примечания: 1

Империя Сун — государство в Китае (960–1279), чья история делится на Северный период, когда столица была на севере, и Южный период, когда вследствие войны был захвачен императорский дом и только сыну монарха удалось бежать и основать новую столицу на юге. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

он возносил молитву о смерти. Но часы, посвященные выбору той единственной, с которой он ждал наслаждения безмолвным уединением, совмещали столько жизней в одной, что он не видел особой жертвы в месяцах траура.

Что он чувствовал, глядя на выжившую? Печаль, подобную сверкающему драгоценному камню, к которой примешивались вспышки счастья столь чистого, столь пронзительного, что у него изнемогало сердце.

Поляна тысячи пионов

Когда Роза пробудилась и, осмотревшись, поняла, где находится, она увидела алый пион с насупленными лепестками. Что-то промелькнуло в ней, вея ароматом сожаления или улетевшего счастья. Обычно эти внутренние движения царапают сердце, прежде чем исчезнуть, как сон, но иногда преображенное время наделяет разум новой ясностью. Именно это ощутила тем утром Роза лицом к лицу с пионом, который выпростал свои золотистые тычинки из изысканной вазы. На мгновение ей показалось, что она может до бесконечности оставаться в этой голой комнате, созерцать цветок и чувствовать, что она *существует*, как никогда. Она оглядела

татами, бумажные перегородки, выходящее на переплетения ветвей под солнцем раскрытое окно, обиженный пион; наконец, как встреченную накануне незнакомку, оглядела саму себя.

Вечер вспомнился вспышками — аэропорт, долгая дорога в ночи, прибытие, освещенный фонариками сад, стоящая на коленях на приподнятом дощатом настиле женщина в кимоно. Слева от раздвижной двери, через которую она вошла, возносящиеся из вазы с темными гранями ветки летней магнолии поток за потоком впитывали свет. Будто переливчатая вода дождем падала на цветы; тени на стенах мерцали, вокруг царила темнота — странная, трепещущая. Роза различала в ней матовые перегородки, плоские камни, ведущие к высокому полу, тайных духов; целую жизнь сумерек, пронизанную вздохами.

Японка отвела Розу в спальню. В соседней комнате поднимался пар от большой купели из гладкого дерева. Роза скользнула в обжигающую воду, удивленная скудостью убранства этой влажной и тихой крипты, ее деревянной отделкой, чистотой ее линий. Выйдя из ванны, она облачилась в кимоно из легкого хлопка, будто проникая в святилище. С тем же необъяснимым трепетом она улеглась меж простыней. Потом

все исчезло.

В комнату деликатно постучали, и дверь с шелестящим звуком скользнула вбок. Маленькими точными шажками вошла вчерашняя женщина с подносом и поставила его перед окном. Произнесла несколько слов, отступила плавным текучим движением, опустилась на колени, поклонилась, прикрыла дверь. Воспоминание о ее кристальном голосе с надтреснутой ноткой в конце фразы зазвенело в воздухе, как гонг. В тот момент, когда женщина уже почти исчезла, Роза увидела, как дрогнули опущенные веки, и поразилась красоте ее коричневого кимоно, перепоясанного расшитым розовыми пионами оби.

Она придирчиво рассмотрела незнакомые блюда, чайник, мисочку с рисом; любое собственное движение казалось ей кощунством. В голой раме окна с раздвижным стеклом и бумажной ширмой она видела трепещущие резные листья клена, а за ними более широкую панораму. Там, меж берегов, заросших дикими травами, текла река, а по обеим сторонам ее каменистого ложа вдоль песчаных отмелей шли аллеи кленов и вишневых деревьев. На мелководье в ленивых водах стояла серая цапля. Картину завершали легкие облака — знак хорошей погоды. Ее по-

разила притягательная сила бегущей воды. Где я? — подумала она, и, хотя знала, что это город Киото, ответ ускользнул, как тень.

Снова постучали.

— Да? — сказала она, и дверь открылась.

Вновь появился пояс с пионами; на этот раз коленопреклоненная женщина сказала ей:

— Rose san get ready?[2] — и указала на дверь ванной.

Роза покачала головой. Что я здесь делаю? — спросила она себя, и, хотя знала, что приехала услышать завещание отца, ответ снова ускользнул. В просторном и пустом приделе ванной рядом с зеркалом высыхал на воздухе, как только что написанная картина, белый пион с чуть тронутыми алой тушью лепестками. Утренний свет, льющийся в разграфленный бамбуковой рамой проем, отбрасывал светлячков на стены, и в его обманчивых переливах ей на мгновение показалось, будто она в соборе. Она оделась, вышла в коридор, свернула направо, уткнулась в запертую дверь, двинулась обратно, следуя ломаным линиям пола и бумажных переборок. За очередными поворотом стены превратились в

---

[2] Примечания: 2
Роза-сан готова? *(англ.)*

перегородки из темного дерева, на которых различались раздвижные панели, потом, за другим поворотом, она оказалась в большой комнате, в центре которой жил клен. Его корни уходили в бархатистые складки мха; прильнувший в стволу папоротник соседствовал с каменным фонарем; вокруг бежала застекленная галерея, открытая небу. В частичках раздробленного мира Роза видела деревянный пол, низкие сиденья, лаковые столики, а справа, в большой глиняной вазе, композицию из ветвей с неизвестными листочками, трепещущими и легкими, словно феи; но дерево пронзало пространство разрывом, куда низвергались ее ощущения, и Роза чувствовала, что оно влечет ее к себе, как магнитом притягивая дыхание, превращая ее тело в куст с перешептывающимися ветвями. Через несколько мгновений она стряхнула с себя чары, перешла на другую сторону внутреннего сада, где большие застекленные рамы выходили на реку, и сдвинула одну из панелей, бесшумно скользнувшую по деревянным пазам. Вдоль заросших вишневыми деревьями берегов, сквозь биение пространства-времени мчались утренние бегуны, и Розе захотелось раствориться в их беге без прошлого и будущего, без связующих звеньев

и истории; захотелось стать лишь движущейся точкой в потоке времен года и гор, потоке, который несется сквозь города и катится до океана. Она выглянула наружу. Дом стоял на небольшой возвышенности, над песчаной аллеей, виднеющейся сквозь ветви деревьев. На другом берегу — такая же песчаная аллея, те же вишневые деревья, те же клены, а еще дальше нависающие над рекой улицы и другие дома — город. И наконец, закрывая горизонт, волнистые холмы.

Она вошла в святилище дерева. Японка ждала ее.

— My name Sayoko[3], — сказала она.

Роза кивнула.

— Rose san go for a stroll?[4] — спросила Сайоко.

Потом, чуть покраснев, добавила со странным акцентом:

— Прогулка?

И снова в конце фразы призвук запнувшейся ноты, и перламутровые веки как раковина.

Роза заколебалась.

---

[3] Примечания: 3
Меня зовут Сайоко *(англ.)*.

[4] Примечания: 4
Роза-сан идти гулять? *(англ.)*

— The driver outside[5], — сказала Сайоко. — Wait for you[6].

— О, — ответила Роза, — all right[7].

Она почувствовала какую-то тревогу, а дерево позади Сайоко снова позвало ее к себе, странное и обольстительное.

— I forgot something[8], — бросила она и убежала.

В ванной комнате она оказалась перед белым пионом с кровавым ободком на белоснежных лепестках. *«Hyoten»*[9], — прошептала она. Постояв мгновение, она взяла полотняную шляпу, покинула святилище тишины и воды и направилась в прихожую. При свете дня цветы магнолии вились, словно бабочки. Как они так делают? — раздраженно подумала она. Перед домом ей поклонился вчерашний шофер в черном костю-

---

[5] Примечания: 5
Шофер снаружи *(англ.)*.

[6] Примечания: 6
Ждет вас *(англ.)*.

[7] Примечания: 7
Хорошо *(англ.)*.

[8] Примечания: 8
Я кое-что забыла *(англ.)*.

[9] Примечания: 9
По-японски произносится «Хёутэн», название сорта пионов, другое значение — точка замерзания.

ме и белой фуражке. Почтительно придержал дверцу и мягко захлопнул ее. В зеркальце заднего вида она рассмотрела щелочки его глаз — тонкие полоски, нанесенные штрихами черной туши, моргающие, не открывая радужки, и, как ни странно, ей понравилась эта неразличимая глубина взгляда. Через несколько мгновений он улыбнулся ей детской улыбкой, осветившей его восковое лицо.

Они проехали через мост и по другому берегу двинулись к дальним возвышенностям. Она открывала для себя город в неразберихе бетона, электрических проводов и неоновых вывесок; то тут, то там очертание храма терялось в болоте уродства. Холмы приближались, начинались кварталы частных вилл, и наконец они выехали на окаймленный вишневыми деревьями берег канала. Они оставили машину внизу заполненной лавочками улицы, где толпились туристы. Поднявшись по ней, прошли через деревянный портал.

— Silver pavilion[10], — сказал шофер.

Она удивлялась эфемерности его присутствия — он словно отрекался от самого себя, полностью

---

[10] Примечания: 10
Серебряный павильон *(англ.)*.

нацеленный на нее, на удовлетворение ее интересов. Она улыбнулась ему, он едва заметно кивнул в ответ.

Здесь начинался древний мир деревянных домов с серыми черепичными крышами. Перед ними из квадратов мха росли высокие странные сосны; выложенные камнями дорожки вились между полосами серого песка, по которым были проведены граблями параллельные линии, кое-где перемежавшиеся азалиями. Они прошли через ворота, ведущие в главные сады. Справа на берегу пруда старый павильон словно готовился взлететь, завершив взмах своих выгнутых крыш, и у Розы мелькнуло тревожное чувство, будто он дышит, будто органическая жизнь укрылась в его не имеющих возраста стенах и галереях, в его затянутых белой бумагой проемах, бросающих в воду молочные вытянутые отражения. Напротив него возвышался большой песчаный холм с ровной, словно срезанной вершиной, слева брала начало широкая полоса того же песка, исчерченная параллельными бороздами и своей волнообразной оконечностью выплескивающаяся на берег. Если взглянуть на все в целом, сначала глаз выхватывал минеральный поток, затем — подобие горы с плоской вершиной и

домик с крылатой кровлей; дальше — пруды с ртутной водой, сосны в форме взлетающих птиц и еще несколько азалий; повсюду, окруженные светлым стелющимся мхом, глубоко врастали в берега столетние камни. И наконец начинались сады, идущие до эспланады, где собиралась толпа посетителей. Между нею и Розой в лавине кружевных листьев струились высаженные ступенями вдоль склона клены.

Столько красоты, минеральность, дерево — она чувствовала, как все это пьянит ее; все для нее было оцепенением, все было перенасыщено; я не могу пережить это еще раз, сказала она себе в усталости и страхе. Но сразу же добавила: здесь что-то есть. Ее сердце забилось, она поискала глазами, где можно присесть. *Как в стране детства.* Она прислонилась спиной к деревянной галерее главного здания; взгляд остановился на одной из азалий; ужас и ликование, внушенные сиреневыми лепестками, сложились в новое чувство, и она подумала, что оказалась в сердце святилища чистой ледяной воды.

Они пошли по тропинкам, проложенным для посетителей, задержались на маленьком деревянном мостике, перекинутом через серые воды; он вел к кленам и к верхним уровням сада. Вокруг прудов росли высокие странные сосны. Роза подняла глаза, и в нее ударила молния ветвистых иголок среди ясного неба; темные стволы в растительных вспышках метали силу земли; она почувствовала, как ее всасывает поток облаков и мха. Шофер шел размеренным шагом, иногда оборачиваясь и без малейших признаков нетерпения поджидая ее, и снова пускался в путь, когда она подавала знак. Его ровная поступь успокаивала Розу, возвращала миру долю реальности, которую мощь сада растворяла в деревьях. Тропа, окаймленная высокими зелеными стеблями бамбука, вела к каменной лестнице; протянув руку к склону, она могла коснуться пальцем бархатистого мха, из которого росли клены. На каждой ступеньке ветви создавали новую совершенную картину, и эта возникающая перед глазами хореография хватала за сердце, но и злила — однако эта злость, как с удивлением поняла она, приносила ей благо. Наконец они вышли на маленькую эспланаду; внизу остался павильон, деревянные дома, серые черепичные

крыши, песок с его узорами; за ними — Киото, а еще дальше — другие холмы.

— We are East[11], — сказал шофер и, показывая на горизонт, добавил: — West mountains[12].

Она пыталась прикинуть размеры города. Все в нем определялось горами, которые обхватывали его под прямым углом на востоке, севере и западе. На самом деле это были всего лишь большие холмы, но их резные очертания создавали зрительную иллюзию высоты. Сине-зеленые в утреннем свете, они стекали к городу своими лесистыми откосами. Лежащий напротив нее за маленькой зеленой возвышенностью город казался уродливым, забетонированным. Взгляд Розы вернулся к садам внизу, и ее поразила их *отчетливость* — их алмазная очевидность, обостренная болью чистота, их способность воскрешать ощущения детства. Как в давних снах, она билась в черной ледяной воде, но теперь в разгар дня, среди множества деревьев, в запятнанных кровью лепестках белого пиона. Она облокотилась о бамбуковые перила, вгляделась в

---

[11] Примечания: 11
Мы восток *(англ.)*.

[12] Примечания: 12
Западные горы *(англ.)*.

соседний холм, отыскивая там *что-то*. Стоящая рядом женщина улыбнулась ей.

— Вы француженка? — спросила она с английским акцентом.

Роза повернулась к ней, увидела морщинистое лицо, волосы с сединой, стильный пиджак.

Не дожидаясь ответа, женщина продолжила:

— Чудесно, не правда ли?

Роза согласилась.

— Результат многих веков преданности и самоотречения.

Англичанка засмеялась собственным словам.

— Столько страданий ради одного-единственного сада, — сказала она легкомысленным тоном.

Но взгляд ее, устремленный на Розу, оставался пристальным.

— Ну, — сказала она, хотя Роза по-прежнему молчала, — возможно, вы предпочитаете английские сады.

Она снова засмеялась, небрежно погладила перила.

— Нет, — сказала Роза, — но это место меня потрясает.

Ей захотелось рассказать о ледяной воде, она заколебалась и передумала.

— Я приехала этой ночью, — проговорила она

наконец.

— Вы впервые в Киото?

— Я впервые в Японии.

— Япония — страна, где много страдают, но не обращают на это внимания, — сказала англичанка. — И в награду за подобное безразличие получают сады, куда боги заходят выпить чаю.

Розу это рассердило.

— Мне так не кажется, — возразила она, — награды за страдание не бывает.

— Вы так думаете? — спросила англичанка.

— Жизнь причиняет боль, — ответила Роза. — И никаких выгод ждать от этого не приходится.

Англичанка отвернулась и погрузилась в созерцание павильона.

— Если ты не готов страдать, — вновь заговорила она, — ты не готов жить.

Она отпустила перила, улыбнулась Розе:

— Приятного пребывания.

Роза обернулась к шоферу. Со смешанным выражением неприязни и опаски он провожал глазами англичанку, чей силуэт исчезал за листвой кленов. Роза двинулась вниз по склону. Прежде чем шагнуть на последнюю ступень ведущей к пруду перед павильоном лестницы из черного камня, она остановилась, пораженная

мыслью, что ее никто нигде не ждет. Она приехала услышать завещание отца, которого не знала; вся ее жизнь сводилась к последовательной смене призраков, которые распоряжались каждым ее шагом, ничего не давая взамен; она всегда двигалась к пустоте и ледяной воде. Ей вспомнился один полдень в бабушкином саду, белизна лилий, травка на краю участка. Слова англичанки всплыли в памяти, а вместе с ними — порыв к бунту.

— Никогда больше, — громко сказала она. Облокотилась о перила, посмотрела на серую воду, павильон, покрытый узорами песок, клены, огромную протяженность детства и вечности, вмещенной в сад, и ее вдруг затопила грусть, к которой примешивались всполохи чистого счастья.

2

В давние времена в Японии, в провинции Исэ, на берегу бухты, украденной у океана, жила одна целительница. Ей были ведомы целительные свойства растений, чем она и пользовалась, помогая тем, кто приходил к ней, умоляя облегчить их недуги. Несмотря на это, как если бы боги раз и навсегда приняли решение и ничто не могло его изменить, ее саму постоянно преследовали ужасные боли. Однажды князь, которого она вылечила своим гвоздичным чаем, спросил ее: почему ты не прибегаешь к своему дару, чтобы исцелить саму себя? Тогда дар уйдет, ответила она, и я больше не смогу исцелять ближних. Какая тебе важность, что другие страдают, если сама ты будешь жить, не испытывая мук? Она засмеялась, пошла в свой сад, срезала охапку кроваво-красных гвоздик и протянула ему со словами: а кому я тогда с легким сердцем подарю мои цветы?

Охапка кроваво-красных гвоздик

В свои сорок Роза почти и не жила. Ребенком

она росла в чудесной деревне, там ей были хорошо знакомы недолговечная сирень, поля и лужайки, ежевика и речной камыш; и наконец, однажды вечером под скоплением золотистых, чуть тронутых розовым облаков она обрела понимание мира. А когда наступала ночь, она читала романы, так что душа ее была вылеплена из тропинок и историй. Но потом пришел день, и она утратила готовность к счастью, как теряют носовой платок.

Юность ее была безрадостной. Жизнь других казалась ей многоцветной и исполненной прелести, в то время как ее собственная, стоило о ней задуматься, утекала, как вода из ладони. У нее были друзья, но любила она их без душевных порывов; любовники проходили сквозь ее жизнь, словно тени, и день за днем она существовала в окружении смутных силуэтов. Она не знала своего отца, которого мать покинула перед самым ее рождением; от матери исходило лишь чувство меланхолии и отсутствия, поэтому она была поражена, какой чудовищной болью обернулась ее смерть. Прошло пять лет, и она ощущала себя сиротой, хоть и знала, что где-то живет японец, который приходится ей отцом. Она знала его имя, знала, что он богат, мать заговаривала о нем, но

редко и безразлично, бабушка молчала. Время от времени она представляла, что он думает о ней, в другие моменты убеждала себя, что, уж если сама она рыжая и зеленоглазая, то Япония лишь выдумка матери, никакого отца не существовало и она взялась из пустоты, — она ни к кому не привязывалась, никто не привязывался к ней, пустота понемногу поглощала ее жизнь, которую сама же и породила.

Но если бы Роза могла видеть себя глазами других, она была бы изумлена. Ее раны казались им загадочностью, страдание оборачивалось целомудрием, подозревали, что она ведет тайную насыщенную жизнь, а поскольку она была красива, но сурова, то внушала робость и держала воздыхателей на расстоянии. То, что она стала ботаником, еще сильнее увеличило эту опасливую отстраненность: профессия загадочная, считавшаяся элегантной и редкой; с Розой никто не осмеливался говорить о себе. С проходящими через ее жизнь мужчинами она занималась любовью с беспечностью, которая могла равно сойти и за безразличие, и за увлеченность. Впрочем, ее желание всегда иссякало всего за нескольких дней, и человеческим существам она предпочитала кошек. Она ценила цветы и растения, но ее

отделял от них невидимый полог, затенявший их красоту, лишавший их жизни, — и все же она чувствовала, как в этих хорошо знакомых соцветиях и под корой ветвей трепещет нечто, стремясь сблизиться с ней. Но шли годы, и ледяная вода ее кошмаров, черная вода, в которую она медленно погружалась, мало-помалу отвоевывала ее дни. Бабушка тоже умерла; любовников у нее больше не было, с друзьями она не виделась; ее жизнь скукоживалась, застывая во льду. И вот как-то утром, неделю назад, нотариус сообщил, что ее отец скончался, и она села на самолет в Японию. Она не задумывалась, стоит ли ей лететь; в небытии ее жизни это имело так же мало значения, как и все остальное. Но угрюмая покорность просьбе нотариуса скрывала ту жажду, которую сейчас выявил Киото.

Вслед за шофером она снова прошла через большие ворота святилища и спустилась по торговой улочке.

— Rose san hungry?[13] — спросил он. Она кивнула.

---

[13] Примечания: 13
Роза-сан голодная? *(англ.)*

— Simple food, please[14], — сказала она.

Он, казалось, удивился, потом на мгновение задумался и двинулся дальше. За каналом они свернули влево, к улице внизу, и оказались возле маленького домика, перед которым на тротуаре стоял щит с надписями. Нырнув под короткую занавеску, шофер вошел в раздвижную дверь, она последовала за ним и очутилась в единственной комнате, пропахшей жареной рыбой. В центре помещения гигантский колпак нависал над решеткой, под которой алели угли; слева — стойка на восемь мест; справа, за очагом, — полки, забитые посудой и разной утварью, небольшой кухонный стол; на низком буфете вдоль шероховатой перегородки, расписанной изображениями кошек, стояли бутылки с саке. В целом все это беспорядочное нагромождение предметов и обилие дерева смахивало на трактир ее детства.

Они уселись за стойку; показался повар, толстяк, затянутый в короткое кимоно и того же цвета штаны. Официантка принесла им теплые салфетки.

---

[14] Примечания: 14
Простую еду, пожалуйста *(англ.)*.

— Rose san eat fish or meat?[15] — спросил шофер.

— Fish[16], — ответила она.

Он по-японски сделал заказ и осведомился:

— Beer?[17]

Она кивнула. Они замолчали. Вокруг них трепетало некое присутствие, проступая в их молчании, — аромат невинности, разлитый в беспорядке заведения, — и Роза почувствовала, как мир пульсирует на древний лад — древний, да, сказала она себе, пусть это и не имело никакого смысла. И еще: мы здесь не одни. Официантка поставила перед ними лаковый поднос с маленькими плошками, наполненными незнакомыми кушаньями, чашу с сашими, миску с рисом и другую, с прозрачным супом. И произнесла что-то извиняющимся тоном.

— Fish coming soon[18], — перевел шофер.

Повар выложил на решетку две нанизанные

---

[15] Примечания: 15
Роза-сан кушать рыба или мясо? *(англ.)*

[16] Примечания: 16
Рыбу *(англ.).*

[17] Примечания: 17
Пиво? *(англ.)*

[18] Примечания: 18
Рыба скоро быть *(англ.).*

на деревянные шпажки рыбины, похожие на макрель. Пот стекал с него крупными каплями, и он утирал лицо белой салфеткой, но Роза не ощутила отвращения, которое охватило бы ее в Париже. Она сделала глоток ледяного пива, взяла кусочек белого сашими.

— Ink fish[19], — подсказал шофер.

Она медленно прожевала. Шелковистая плоть моллюска ласкала нёбо, а в голове проплывали образы кошек, озер, пепла. Непонятно почему ей вдруг захотелось смеяться, в ожидании, пока мгновением позже не обрушится секущее лезвие — но на что? — и из того, что должно быть болью, не родится острое наслаждение. Она сделала еще глоток пива, попробовала красное сашими (Fat tuna[20], — сказал он), которое потрясло ее чувства; сколько удовольствия, рожденного из простоты, восхитилась она, а официантка уже несла жареную рыбу. Она не совладала с палочками, пытаясь отделить мясо, сосредоточилась, в конце концов выработала медленную, тщательную стратегию и победила. Вкус у рыбы был тонкий, есть больше не хотелось, ею овладел

---

[19] Примечания: 19
Каракатица *(англ.)*.

[20] Примечания: 20
Жирный тунец *(англ.)*.

непривычный покой.

Они вернулись домой. Там их ждал мужчина, европеец. Он вежливо приветствовал ее, когда она зашла в комнату с кленом. Рядом, скрестив руки на своих пионах, стояла Сайоко и смотрела на нее. Роза молчала. Мужчина сделал шаг в ее сторону. Она заметила, что он двигается по-особенному, рассекая ставшее как будто жидким пространство и словно плывя между двумя водами реальности. А еще она обратила внимание на его светлые глаза, синие или зеленые, и на перерезающую лоб морщину.

— Меня зовут Поль, — сказал он. — Я был помощником вашего отца.

Поскольку она промолчала, он добавил:

— Возможно, вы не знаете, что он торговал произведениями искусства?

Она отрицательно покачала головой.

— Произведениями современного искусства.

Она огляделась.

— Не вижу здесь ничего современного, — сказала она.

Он улыбнулся:

— Существует много разновидностей современного искусства.

— Вы француз?

— Бельгиец. Но живу здесь уже двадцать лет.

Она прикинула, что они ровесники, и задумалась о том, что могло в двадцать лет привести его в Японию.

— Я изучал японский в Университете Брюсселя, — сказал он. — Приехав в Киото, я познакомился с Хару и начал работать на него.

— Вы были друзьями? — спросила она.

Он заколебался.

— Он был моим наставником, но под конец, да, можно сказать, что мы стали друзьями.

Сайоко обратилась к нему, в ответ он кивнул и знаком предложил Розе устроиться за низким столиком слева от клена. Она села с ощущением, что жизнь вытекает из нее, как из проколотого шарика. Сайоко принесла чай в глиняных шероховатых чашках, бугристых, как вспаханная земля. Роза повертела свою в ладонях, погладила ее неровности.

— Кейсукэ Сибата, — сказал Поль.

Она подняла на него непонимающий взгляд.

— Гончар. Хару был его представителем больше сорока лет. Кроме того, он поэт, художник и каллиграф.

Он отпил глоток чая.

— Вы не слишком устали? — спросил он. — Я

хотел бы обсудить вместе с вами ближайшие дни, так что скажите мне, как вы себя чувствуете.

— Как я себя чувствую? — повторила она. — Мне кажется, усталость — это не главный показатель.

Он посмотрел ей в глаза. Она смутилась и умолкла.

— Разумеется, — сказал он, — и мне все же хотелось бы знать. Про остальные показатели мы еще подробно поговорим.

— С чего вы взяли, что я хочу разговаривать? — спросила она с запальчивостью, о которой тут же пожалела.

Он ничего не ответил.

— Что нужно сделать? — спросила она.

— Поговорить и в пятницу пойти к нотариусу.

Он все так же смотрел ей в глаза и говорил спокойно, неспешно. Снова появилась Сайоко, войдя в дверь по другую сторону клена, опять налила им чаю и осталась поодаль, сложив руки на своих розовых пионах и вопросительно глядя на Поля.

— Там в ванной стоит пион, — сказала Роза. — Он называется «Хёутен». Его разводят на острове Дайконсима, на вулканической почве. Слово «Хёутен» означает что-нибудь по-японски?

— Оно значит «ледяная вода» или, точнее, «температура ледяной воды», «точка замерза-

ния», — ответил он.

Сайоко посмотрела на Розу.

— Volcano ice lady[21], — произнесла она.

— Вы ботаник, — продолжил Поль.

И что? — подумала Роза с тем же раздражением, которое испытала перед цветами магнолии у входа.

— Он постоянно рассказывал мне о вас, — продолжал он. — Не проходило дня, чтобы он о вас не думал.

Она восприняла его слова как пощечину. Он не имеет права, подумала она. Хотела заговорить, но смогла только потрясти головой, сама не зная, соглашается она, отрицает или вообще не понимает только что произнесенные им слова. Он поднялся, она машинально тоже встала.

— Вы пока отдохните, но я скоро вернусь, — сказал он. — Поужинаем в городе.

В своей спальне она упала на татами, скрестив руки на груди. В черной вазе нежились, склонив головки в точеном изгибе, изящно расположенные в ней три кроваво-красные гвоздики. Это был китайский сорт, с хрупкими стеблями и незамысловатыми лепестками невероятно на-

---

[21] Примечания: 21

Вулканическая ледяная леди *(англ.)*. Одно из значений «Хёутен» в японских аниме — «высвобождающий силу льда».

сыщенного карминного цвета. Она восприняла эти три венчика, наивность простых цветков, их ароматную свежесть как упрек; что-то в их расположении взволновало ее; на нее накатила волна ожесточения. Она заснула.

Неожиданно ее разбудили два тихих стука в дверь.

— Yes?[22] — сказала она.

— Paul san waiting for you[23], — произнес голос Сайоко.

На мгновение она растерялась, потом вспомнила.

— Coming[24], — ответила она и подумала: звонок, вызов к директору, прогулки под присмотром — хуже, чем в школе.

Она задумалась, сколько проспала. Долго, решила она. Никак не приспособлюсь к разнице во времени, я все еще живу по другим часам. Взглянув в зеркало в ванной, она заметила отпечатки подушки на щеке. Взялась было за тюбик помады, но тут же отложила. *Он постоянно рассказывал*

---

[22] Примечания: 22
Да? *(англ.)*

[23] Примечания: 23
Поль-сан ждать вас *(англ.)*.

[24] Примечания: 24
Иду *(англ.)*.

мне о вас. Швырнула тюбик через всю ванную, вернулась в спальню, глянула на гвоздики, успокоилась.

В комнате с кленом она увидела Поля.

— Ну что, идемте? — спросил он, подходя к ней.

Она впервые заметила, что он прихрамывает, и тут же сообразила, что этому дефекту он и обязан своим свойством перемещаться в пространстве, как речная рыба, чтобы его дефект растворялся в текучести. Она последовала за ним в прихожую, где цветы магнолии соревновались друг с другом в безмолвных пируэтах. Они прошли по маленькому саду, лежащему между домом и улицей. Азалии запускали звездчатый фейерверк своих розовых и сиреневых лепестков. У изножья каменного фонаря из того же невысокого бархатистого мха, который виднелся повсюду, возникали хосты[25]; вереница кленов справа; слева белая стена, на которой в зарождающихся сумерках плавали тени бамбуковой рощицы.

— Куда мы идем? — спросила она.

— В Киото Хару сразу узнавали, стоило ему

---

[25] Примечания: 25

Хоста — садовое декоративное растение (другое название «функия»), темно-зеленые кустики, любящие тень.

где-то появиться. Его тайным убежищем было кафе «Кицунэ».

Как и утром, шофер повез их на другой берег, и снова за окнами машины замелькали бетонированные улицы и электрические провода. Алая лампа перед рестораном, справа от раздвижной двери, показалась Розе маяком в ночи. Внутри дымка застилала глаза. В глубине, за баром, заставленным бутылками саке, поднимались запахи жареного мяса; в передней части — четыре столика темного дерева, полутьма, подсвеченная несколькими подвесными лампами, на выкрашенных черной краской стенах афиши манг[26], рекламные плакаты, фигурки супергероев; повсюду ящики с пивом, загадочные бутылки, книги с картинками; в целом обстановка необычная, озорная, много дерева. Может, все их рестораны похожи на чердаки детства? — подумала она и ощутила голод.

— Я представляла себе Японию продезинфицированной, — сказала она, — а не пропахшей кухонным жиром.

— Мы здесь не среди протестантов, — сказал

---

[26] Примечания: 26

Манга — японская разновидность комиксов. Уважаема и как форма изобразительного искусства, и как литературное явление. Имеет глубокие корни в раннем японском искусстве.

он, — и я знаю, о чем говорю. В Японии по большей части царит развеселый бардак.

— Но не у него, — возразила она, не в силах произнести «у моего отца».

— По большей части, — повторил он.

Перед ними появился хозяин, оказавшийся молодым человеком в очках, с тканой лентой на лбу и торчащими передними зубами. Роза уловила его робкое любопытство, когда Поль обменивался с ним дружескими приветствиями, потом ей показалось, что она услышала имя отца, и лицо молодого человека переменилось. Он снял очки, протер их. Оба умолкли, потом он что-то сказал, глядя на нее.

— Добро пожаловать, — перевел Поль.

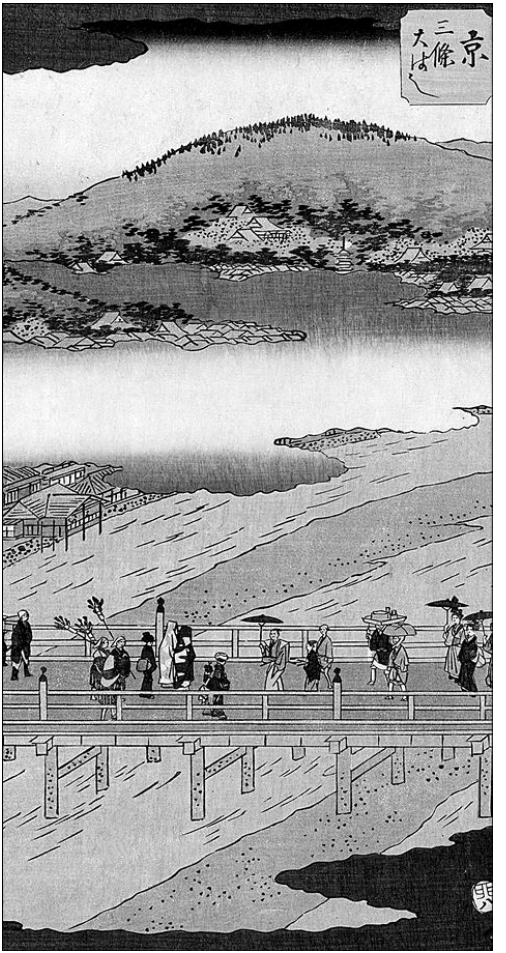
И это всё? — подумала она.

— Вы едите мясо? — спросил Поль.

— А что это за ресторан?

— Якитория. Нанизанные на шпажки кусочки курицы и овощей на гриле.

— Меня устраивает, — сказала она.


京
三條大はし

— Пиво или саке?

— И то и другое.

Мужчины перекинулись еще несколькими словами, после чего она осталась лицом к лицу с Полем в томительном молчании, которое привело ее в смятение. Она вздрогнула, когда хозяин поставил перед ними два больших стакана с ледяным пивом. Мелькнула та же мысль, что и утром, — *мы здесь не одни* — затем: *что это за страна, где никогда не остаешься один*?

— Хару был из небогатой семьи, — заговорил Поль. — Здесь он вспоминал якиторию своего детства, в горах, в Такаяме[27].

Он поднял стакан.

— Ваше здоровье, — сказал он и, не дожидаясь ответа, сделал большой глоток.

Странно, но она почему-то вспомнила о трех красных гвоздиках в той черной вазе. Хозяин поставил на стол порцию шашлычков и бутылку саке. Она выпила половину своего пива и почувствовала себя лучше.

— Саке из Такаямы, — сказал Поль, наливая ей.

— Из Такаямы? Вы тут разыгрываете приступ сентиментальности? — спросила она.

---

[27] Примечания: 27

Такаяма — город в Японии, со всех сторон окруженный горами, находится на острове Хонсю.

Он посмотрел ей в глаза тем прямым и прозрачным взглядом, который смущал ее, отпил глоток. Она заметила изгиб его бровей, высокий лоб, пересеченный вертикальной морщиной. Фруктовый привкус прохладного саке ласкал нёбо, от шашлычков шел пряный дух. Подступало опьянение. Она осознала, что они уже некоторое время едят молча. Ужин подходил к концу, а они почти не разговаривали. Она расслабилась, первоначальная неловкость пропала. Когда он снова заговорил, ей показалось, что ее вырвали из мирной задумчивости.

— Больше всего Хару сожалел о том, что ничего не смог дать вам при жизни.

Он не должен так поступать, подумала она, он больше не должен неожиданно бить меня под дых.

— И почему же? — с запальчивостью спросила она.

Он в недоумении взглянул на нее.

— Думаю, вы знаете, — сказал он.

Я знаю, о да, я знаю, раздраженно подумала она.

— Так почему же он об этом сожалел? — снова спросила она.

Он отхлебнул пива. И ответил медленно, тща-

тельно подбирая слова:

— Потому что верил, что способность давать возвращает к жизни.

— Он был буддистом? А вы? Вы тоже поклонник сансары?

Он засмеялся.

— Я атеист, — ответил он. — Но Хару был буддистом. Только на свой лад.

— На какой?

— Его буддизм был любовью к искусству. Он полагал, что это прежде всего религия искусства. Но также верил, что это религия саке.

— Он много пил?

— Да, но я никогда не видел его пьяным.

Он осушил свой бокал. Она неприязненно посмотрела на него.

— Я приехала, потому что меня попросили.

— Даже не сомневаюсь, — сказал он.

Она засмеялась с горькой иронией.

— Что он может мне дать теперь? — спросила она. — Что могут дать отсутствие и смерть? Деньги? Оправдания? Лаковые столики?

Он не ответил. Больше они не разговаривали, но, пока ехали обратно в машине, которая ждала их у входа, пока ночь текла вокруг них, как темный древесный сок, пока они снова шли

через сад с фонариками и Поль прощался с ней возле ветвей магнолии, она ощущала, сама не понимая, что это может значить, как глубоко внутри ее трудятся цветы. Она чувствовала, как нечто в их соцветиях и под корой ветвей трепещет, стремясь сблизиться с ней. Измученная, с гудящей от беспорядочных мыслей головой, она заснула. Ночью ей приснился сон, в котором она поняла, почему гвоздики стояли в такой позе: они просили, чтобы их взяли, они нуждались в жесте подношения. Она брала их в руки, сжимала стебли, вынимала из воды, не обращая внимания на капли, падающие на татами. Потом, в полутьме той же комнаты, где сейчас спала, видела себя, протягивающую три кроваво-красные гвоздики Полю со словами: *а кому иначе я с легким сердцем подарю мои цветы*?

3

Говорят, что поэт Кобаяси Исса[28], который в европейскую эпоху Просвещения прожил в еще феодальной Японии долгую и мучительную жизнь, однажды отправился в Сисэн-до, дзен-буддистский храм в Киото, и долго оставался там на татами, восхищаясь садом. К нему подошел молодой монах и принялся расхваливать тонкость песка и красоту камней, вокруг которых был вычерчен очень ровный круг. Исса не говорил ни слова. Монах красноречиво воспел философскую глубину минеральной картины; Исса по-прежнему молчал. Немного удивленный его немотой, молодой монах отдельно восславил совершенство круга. Тогда Исса, указывая рукой на великолепие больших азалий, росших за песком и камнями, сказал: если выйдешь из круга, то встретишь цветы.

Ты встретишь азалии

Роза проснулась в полной уверенности, что

---

[28] Примечания: 28
Кобаяси Исса (1763–1828) — японский поэт, мастер хайку.

луна здесь. Увидела ее в раме открытого окна, одинокую и перламутровую, и в голове сложилась картина — деревня и виноградники, но их навязчивое появление здесь показалось ей странным. Было жарко, пели цикады. Она какое-то время полежала с открытыми глазами, медленно дыша. Мир вращался, а она пребывала неподвижной, ветры неслись, а она оставалась на месте. В этой тишине, в этой темноте она появилась из ниоткуда, из вне времени. Она снова заснула.

Наутро она подумала о вчерашнем ужине, об его необъяснимой атмосфере неосязаемого присутствия. Приняла душ, оделась и направилась в комнату с кленом, где нашла Сайоко в светлом кимоно и оранжевом оби, усеянном серыми стрекозами. Японка жестом предложила ей присесть и подала такой же поднос, как накануне, а она снова залюбовалась полупрозрачной текстурой ее век.

— Rose san sleep well?[29] — спросила Сайоко.

Роза кивнула.

— Drivers say you meet kami yesterday[30], — до-

---

[29] Примечания: 29
Роза-сан хорошо спать? *(англ.)*

[30] Примечания: 30
Шофер говорить, вы вчера встретить ками *(англ.)*.

бавила та.

— Ками?

— Kami. Spirit[31].

Роза озадаченно на нее посмотрела. *Я вчера встретила духа?* Потом она вспомнила об англичанке из серебряного павильона и о том, как посмотрел ей вслед шофер.

— The British woman?[32] — спросила она.

Сайоко нахмурилась.

— Ками, — повторила она.

Затем с озабоченной морщинкой на лбу добавила:

— Bad kami[33].

И удалилась мелкими упрямыми шажками. Розе доставило удовольствие совершенствовать свою технику разделки рыбы палочками — незнакомой рыбы, нежной и тающей, которую она жевала с наслаждением неофитки. Она не притронулась к рису, налила себе чашечку чая, сделала глоток. Нахлынувшее волнение подняло ее с места в поисках воздуха, она открыла вы-

---

[31] Примечания: 31
Ками. Дух *(англ.)*.

[32] Примечания: 32
Англичанка? *(англ.)*

[33] Примечания: 33
Плохой дух *(англ.)*.

ходящее на реку окно. Мощь воды заставила ее отпрянуть, она быстро вернулась и оказалась лицом к лицу с кленом. Между небом и землей, укоренившись в своем световом колодце, он впитывал образы, рожденные благоуханием срезанных листьев зеленого чая, — слезы, ветер над полями, боль. Пока виде́ние рассеивалось, она услышала голос бабушки, говорившей: *прошу тебя, не плачь при малышке*. Где-то в доме раздвинулась дверь, и Роза вздрогнула. Рассекая воздух в своей текучей, изломанной манере, навстречу ей шел Поль с охапкой розовых пионов в руках.

— Готовы к прогулке? — спросил он Розу, пока Сайоко забирала у него цветы.

Застигнутая врасплох, она кивнула. Снаружи их ждал шофер. Погода стояла прекрасная, чуть прохладная, и она поймала себя на ощущении приятной легкости. Бывает, подумала она, но быстро пройдет, такое всегда быстро проходит. И снова они пересекли реку, но теперь поднялись вдоль холмов, двигаясь на север. Через некоторое время они свернули вправо, на пологую улицу, идущую через богатый жилой квартал. Шофер остановился перед деревянными воротами.

— Сисэн-до, — сказал Поль. — Мой любимый в это время года.

— Это храм? — спросила она.

Он кивнул. Поднявшись на несколько ступенек, они двинулись по мощеной тропе, окруженной высоким бамбуком, чьи серые листья и почти желтые стебли смыкались в свод цвета кварца и соломы. Идущие по обе стороны тропы полосы светлого песка, изборожденного параллельными линиями, напоминали минеральные ручьи, и Роза ощутила ласку умиротворяющей волны, ее изысканность, живость светлой воды. Преодолев еще несколько ступеней, они оказались перед храмом. У стены на островке того же песка приютился единственный куст азалий. Они разулись и вошли. За небольшим коридором открылась галерея с татами, выходящая на панораму сада. Поль сел на настил справа, она устроилась рядом. Здесь не было ни души.

Она не видела ничего другого. Вокруг расстилался растительный мир, где в деревьях гулял ветерок и возвышались округлые кусты, но вся ее жизнь, ее годы и часы свелись к изогнутым линиям, проведенным вилами вокруг большого камня, единственной азалии и куста хосты, расположенных на песке столь мелком, что казалось, будто он запорошил взгляд. Из этого идеального овала рождалась вселенная; душа Розы танцевала

вместе с песком, следуя его извивам, раз за разом огибая камень и все начиная вновь; не осталось ничего, кроме бесконечной прогулки по кругу дней, по кольцу чувств; она решила, что сходит с ума. Хотела вырваться, передумала, полностью отдаваясь упоению минеральным круговоротом. Бросила взгляд вовне и не увидела ничего. Мир замкнулся в этом пространстве песка и круга.

— Сюда приходят главным образом весной, чтобы полюбоваться азалиями, — сказал Поль.

Ее стрелой пронзило интуитивное озарение.

— Это он попросил вас поводить меня по разным местам? Он составил программу? Серебряный павильон, этот храм?

Он не ответил. Она снова посмотрела на овал, песок, линии его внутренних миров. За их пределами огромные кусты азалий ограждали безводный сад заслоном нежной зелени.

— Я не увидела азалий, — сказала она, — я смотрела на круг.

— В традиции дзен круги называются «энсо», — сказал он. — Энсо могут быть разомкнутыми или закрытыми.

Ее удивил интерес, который пробудили в ней его слова.

— Каково их значение? — спросила она.

— Какое вы пожелаете, — ответил он. — Реальность здесь не имеет особой важности.

— Поэтому он хотел, чтобы вы перетаскивали меня с места на место, как неудобный тюк, — чтобы растворить реальность в круге, утопить ее в песке? — сказала она.

Он ничего не ответил, продолжая любоваться садом.

— Вы ботаник, а на цветы не смотрите, — наконец произнес он.

В его голосе не было ни агрессии, ни осуждения.

— Мое любимое стихотворение принадлежит Иссе, — продолжил он. И прочел его по-японски, а потом перевел:

Мы идем в этом мире
по крыше ада,
глядя на цветы.

Она осознала, что слышит периодически повторяющийся звук, один и тот же с самого их прихода в храм, — нечто вроде сухого пощелкивания, прерываемого через регулярные промежутки музыкой бегущей воды. Внезапно что-то изменилось. Песок преображался, втягивался, струился в родную песочницу, исчезал, в то время как сцена

расширялась, разворачиваясь среди деревьев, пения птиц, шелеста легкого ветра. Теперь она различала ручеек, бегущий внизу, полый бамбук, с гулким перестуком бьющийся о каменное ложе и отклоняющийся в другую сторону, следуя за током воды; клены, прибрежные ирисы, и повсюду — азалии, уходящие корнями в древний песок; ее охватила дрожь, потом все улеглось, и она снова стала просто Розой, заблудившейся в незнакомом саду. Но в каком-то ином месте, где реальность не имела значения, она продолжала смотреть на цветы. Они встали.

— Полагаю, вы отвезете меня ужинать туда, куда он приказал, — сказала она.

— Про рестораны он ничего не говорил, — ответил Поль. — Но сначала я хотел бы кое-что вам показать.

— Вам больше нечего делать, кроме как заниматься мной? — спросила она. — У вас нет семьи? Вы не работаете?

— У меня есть дочь, она сейчас в хороших руках, — сказал он. — Что касается работы, то это будет зависеть от вас.

Она мгновение размышляла над его ответом.

— Сколько лет вашей дочери?

— Десять. Ее зовут Анна.

Она не решилась осведомиться о матери Анны, расстроилась при мысли, что она существует, и изгнала ее из своей головы.

Дома в прихожей утренние розовые пионы слагались в замысловатую композицию. Она последовала за Полем, они миновали ее спальню и дошли до конца коридора. Он отодвинул дверь, перед которой накануне она повернула обратно. Это была комната с татами и двумя большими угловыми окнами, одно из них выходило на реку, другое на северные горы. У стены, обращенной на восток, стоял низенький столик с бумажным фонариком, принадлежностями для каллиграфии и несколькими разбросанными листами; на стенах, противоположных окнам, — высокие панели светлого дерева. Сначала она увидела реку, потом горы с хребтами, наложенными друг на друга, как складки ткани, и, наконец, фотографии, тщательно приколотые к деревянным панелям.

На одной из них была маленькая рыжая девочка в летнем саду. На заднем плане большие белые лилии скрывали сложенную из сухих камней стену. Справа виднелась долина с синими и зелеными холмами, вьющейся рекой и небом с

пухлыми облаками. Она рассмотрела все фотографии и через мгновение поняла, что первая, бросившаяся ей в глаза, была единственной знакомой ей. Все остальные снимались телеобъективом без ее ведома, под разными углами и в разное время года.

— Как он ее раздобыл? — спросила она, подходя к рыжей девочке.

— Паула, — ответил он.

— Как?

— Однажды Хару получил от нее эту фотографию.

— И всё?

— И всё.

Она обвела взглядом панели. На сделанных украдкой снимках она была представлена в разных возрастах рядом с Паулой, ее бабушкой, с друзьями, дружками, любовниками. Она опустилась на колени на татами, склонила голову, словно каясь. Очевидность, взывающая к покорности и мольбе, снова пробудила в ней гнев, и она подняла голову.

— Нет ни одной фотографии с моей матерью, — сказала она.

— Да, — согласился он.

— Он шпионил за мной всю мою жизнь. И ни

одной фотографии с нею.

— Он не шпионил за вами, — возразил Поль.

Она наткнулась на его прозрачный взгляд, почувствовала себя загнанной в тупик, доведенной до крайности.

— А как это называется? — спросила она.

— Это все, что Мод ему позволила.

— Целая жизнь без матери, — сказала она.

Она встала.

— И без отца.

Она снова опустилась на колени.

— Вы подозревали, что он приглядывает за вами? — спросил Поль.

Она не ответила.

— Вы сердитесь, — сказал он.

— А вы бы не рассердились? — пробормотала она, яростным жестом указывая на фотографии, уязвленная тем, что у нее голос дрожит.

И снова она ощутила себя затерянной между двумя пластами восприятия. Посмотрела на рыжую девочку в саду с лилиями, гнев еще усилился, а затем внезапно преобразился. В детстве ее посещало это предчувствие будущей насыщенной жизни, которую называют счастьем; затем пустота поглотила все, вплоть до воспоминания. Сейчас это воспоминание возникало перед

ней, словно чаша, полная чудесных плодов; она вдыхала аромат спелых персиков, слышала гудение насекомых, ощущала, как источает истому время; где-то звучала мелодия — на лужайке, которую называют сердцем или центром, — и она отдалась уносящей туда волне этого ставшего текучим мира. Жизнь была соткана из серебряных нитей, вьющихся среди диких трав сада, — и она пошла за одной из них, самой сверкающей и яркой, и на этот раз нить растянулась очень далеко, продолжаясь до бесконечности.

— Гнев никогда не замыкается в одиночестве, — сказал Поль.

Она вырвалась из своего безмолвного транса. С беззвучным грохотом дуги круга снова сошлись, и напрасно она пыталась удержать прекрасные плоды, как делают, пробуждаясь ото сна.

— По словам Сайоко, шофер рассказал, что в серебряном павильоне я встретила ками, — сказала она. — Какого-то bad kami.

Он сел рядом с ней.

— Я там никого не видела, только обменялась парой слов с английской туристкой.

— У Сайоко и Канто свои очень своеобразные представления о духах, — сказал он, — я не уверен, что их классификация может считаться

общепринятой.

— Англичанка сказала, что если человек не готов страдать, то не готов и жить.

Он рассмеялся коротким смешком, который не был адресован ей.

— Страдание ничего не дает, — заметила она. — Абсолютно ничего.

— Но оно есть, — возразил он. — И что нам с ним делать?

— Значит, мы должны принимать его только потому, что оно есть?

— Принимать? — повторил он. — Не думаю. Но это вопрос точки замерзания. Чуть выше элемент еще жидкость. Чуть ниже, и он твердеет, становясь пленником самого себя.

— И что это означает? Что в любом случае надо страдать?

— Нет, я только хотел сказать, что, когда точка замерзания пройдена, застывает все вместе — страдание, наслаждение, надежда и отчаяние.

Хёутэн, подумала Роза. Хватит с меня цветов.

— У нас в семье все мономаны[34], моя мать была воплощением грусти, а я воплощение гнева, — сказала она.

---

[34] Примечания: 34

Мономания — одностороннее однопредметное помешательство.

— А бабушка? — спросил он.

Выходя из комнаты, она оглянулась. В обрамлении проемов синеватые хребты гор терялись в дымке солнечной погоды; тепло поднималось от земли, стирало грани и перепады высоты, покрывая мир патиной невидимой туши, полупрозрачной и мощной сепией.

В машине она повела себя как дующийся ребенок. Молчание давило на нее, но она упорно не желала его нарушить; выбранный Полем ресторан ей понравился, но она воздержалась от похвал. Они устроились в баре. Все вокруг было из белого гладкого дерева, без украшений — аскетизм хижины. Напротив них в залитой светом нише из глиняной вазы, бугорчатой, как раковина устрицы, вырывался сноп кленовых веток. Поль сделал заказ, и на столе тут же появилось два пива. Она подумала, что обед пройдет в молчании, но после нескольких глотков он заговорил:

— Хару родился в горах рядом с Такаямой. Родительский дом стоял на берегу потока, который замерзал на три месяца в году. У семьи был магазинчик саке в городе, и отец каждый день пешком спускался с горы. Хару привез меня туда, к большой скале у брода, и сказал, что вырос, глядя, как

снег падает на этот камень или тает на нем. Его призвание определил этот утес с заснеженными деревьями, водопадами и льдом.

Опять лед, подумала Роза.

— В восемнадцать лет он приехал в Киото, у него не было ни денег, ни образования, но он очень быстро свел знакомство с теми, кто имел дело с *материей,* — гончарами, скульпторами, художниками и каллиграфами. Он сделал себе состояние благодаря их работам. У него была прирожденная деловая хватка. И сумасшедшее обаяние.

Поль посмотрел ей в глаза. В очередной раз она почувствовала раздражение и с горечью подумала о неописуемых магнолиях в прихожей.

— В то же время ни единого дня его жизни не было посвящено деньгам. Единственное, чего он хотел, это лишь свободы на свой лад почтить скалу у родной реки. А еще, с момента, как вы родились, свободы оставить своей дочери наследство, которое послужит бальзамом.

— Бальзамом? — повторила она.

— Бальзамом, — сказал он.

Она отхлебнула пива. Ее рука дрожала. Перед ними появился повар и поклонился, прежде чем достать кусочки сырой рыбы из маленькой охла-

ждаемой витрины, слева от кленового букета. Она не обратила внимания на то, что они сидят перед выложенной рядами сырой плотью, щупальцами осьминогов и оранжевыми морскими ежами; она слишком сосредоточилась на усилии, какого ей стоило отгородиться от жестокости и слов, — жестокости и мертвецов, сказала она себе, охваченная усталостью, вскоре сменившейся странным возбуждением, которое время от времени вызывала в ней эта страна деревьев и камней. Повар поставил перед каждым из них квадратное керамическое серо-коричневое блюдо, неровное, как тропинка в горах. Потом выложил на землистую поверхность маринованный имбирь и суши из жирного тунца, в которое она вцепилась, как в спасательный круг, спеша снова обрести тело, убежать от собственного разума, стать одним лишь желудком. Сочетание тающей рыбы и риса с уксусом умиротворило ее. С облегчением чувствуя себя вновь воплощенной, она подумала, что понимает отца, что ее спасет *материя*, глина мира, целебный компресс из плоти и риса. За обедом они больше не разговаривали. Прощаясь с нею возле розовых пионов в прихожей, он сказал: я вернусь за вами вечером и отведу ужинать, Канто в вашем рас-

поряжении, если вам захочется поехать в город после полудня.

У себя в спальне она легла на татами. Я иду по крыше ада, не глядя на цветы, подумала она, и в тот же момент перед ней снова предстали огромные азалии Сисэн-до. Засыпая, она увидела также прекрасный круг, который возникал и распадался перед ее мысленным взором. Выписанный глубинно-черной, словно лаковой тушью, он парил между сном и реальностью, образуя изысканную спираль. И пока она восхищалась этой бесконечной текучестью, круг застывал, обращаясь в провал, где блуждали облака.

あさぢの月

4

Когда-то в период Хэйан[35], во времена, когда Киото был столицей затерянного в одиночестве архипелага, одна маленькая девочка на рассвете принесла рис божествам в святилище Фусими Инари, в часе ходьбы от города. Когда она приближалась к алтарю, то увидела на склоне, где ночью распустились цветы, маленькие бледные ирисы с синими пятнышками, оранжевыми тычинками и фиолетовой сердцевиной.

Сидя среди цветов, ее ждала лисица.

Поглядев на нее мгновение, девочка протянула лисице рис, но та грустно покачала головой, и тогда растерянная девочка сорвала ирис и поднесла к мордочке лисицы. Та взяла цветок, деликатно его прожевала и заговорила с ней на понятном девочке языке — увы, память о ее словах с тех пор была утеряна. Зато известно, что маленькая

[35] Примечания: 35

Период Хэйан — период в японской истории (794–1185). Начинается с того, что имперская столица Нара по приказу императора была перенесена в другой город — Хэйан-кё (сегодня это мегаполис Киото).

девочка стала самой великой поэтессой[36] традиционной Японии и всю свою жизнь писала о любви.

Она срывает ирис

Роза какое-то время пребывала в полусне, убаюканная пьянящим разомкнутым кругом, но вскоре это ощущение исчезло. В нерешительности она встала. В окно увидела воды реки, взяла свою полотняную шляпу и вышла из спальни.

В большой комнате с кленом никого не было. Она положила руку на прозрачное стекло, услышала за спиной шелестящие шажки Сайоко. Обернулась, снова увидела прозрачную рисовую бумагу опущенных век. Мгновение они смотрели друг на друга в молчаливом понимании листьев, потом очарование пропало, и Роза кашлянула.

— I'm going out for a short stroll[37], — сказала она.

Через секунду добавила:

---

[36] Примечания: 36

Вероятно, имеется в виду знаменитая поэтесса Оно-но Комати (ок. 825 — ок. 900), легендарная красавица, писавшая о любви неразделенной и печальной.

[37] Примечания: 37

Я пойду немного пройдусь *(англ.)*.

— Прогулка.

Она прошла через комнату, но в последний момент вернулась обратно.

— Volcano ice lady? — спросила она.

Сайоко взглянула на нее, а затем сделала ей знак немного подождать. Она исчезла, потом появилась вновь с белым бумажным прямоугольником в руке. Роза осторожно взяла его, перевернула.

— Daughter of father[38], — произнесла Сайоко.

На пожелтевшей фотографии был мальчик лет десяти, наполовину развернувшийся к объективу; позади него — поток застывшей белой воды между заснеженными скалами; еще выше — горные сосны, другие покрытые льдом камни, сумрачный подлесок.

— Same look, — сказала Сайоко. — Ice and fire[39].

Роза устояла перед желанием встать на колени, склонить голову и позволить миру обрушиться ей на затылок. Она вгляделась в глаза мальчика. Напряженность его взгляда превращала снег и белую воду на картинке в колодец мрака. Она

---

[38] Примечания: 38
Дочь своего отца *(англ.)*.

[39] Примечания: 39
Тот же взгляд… Лед и пламя *(англ.)*.

отдала фотографию Сайоко, развернулась и убежала. В саду она остановилась. *Я похожа на него*. Она прошла в бамбуковую калитку, обогнула дом и двинулась по песчаной тропинке вдоль реки. *Я рыжая, и я похожа на него*. Она сделала еще несколько шагов, погруженная в силу черных глаз, в мощь горного потока. Линия, разделяющая воду и землю, и линия между водой и небом колебались, очерчивая нетронутую территорию без ветра и жары, безо льда и птичьего пения — некий анклав, где материя растворяется в пустоте. Ее едва не задел велосипедист, она вздрогнула, поняла, что сжимает кулаки, вернулась в реальность. Погода стояла прекрасная, большая цапля лениво расположилась в бухточке, защищенной тростником, мимо проходили гуляющие. Вскоре берег раздался вширь, песчаная тропинка закончилась, дикие травы под ветерком приобрели грациозность перьев. Что-то не давало ей покоя. Она подумала: случалось ли когда-нибудь кому-то узнать своего отца через ребенка, которым тот некогда был? Удивленная и взволнованная, но и возмущенная тоже, она почувствовала, что ей стало лучше.

По большому мосту перед ней двигались толпы народа. Она поднялась по каменной лестнице,

оказалась в людской гуще, и ее, как веточку, понесло к западу. Улица вела к крытой галерее, по обеим сторонам которой теснились лавочки, рестораны, массажные салоны. Она шла долго и оказалась далеко от дома, без денег и телефона. Свернула направо и чуть дальше заглянула в писчебумажный магазин, пахнущий чернилами и тушью, заинтересовалась рулонами чистой бумаги, подвешенными к одной из перегородок, поняла, что бумага предназначается для каллиграфических картин, выписанных на картонных квадратиках, белых и высоко ценимых; их уголки были вставлены в пазы из тонкой хлопковой ткани. *Каждый день новая греза, запечатленная тушью*. Рядом предлагались сухая тушь, чернильницы для ее смешивания, кисти, различная тонкая бумага, коробочки с цветочными или растительными узорами; ей захотелось, чтобы этот мир стал ее миром, чтобы она могла раствориться в нем, в разнообразии душистого дерева, в грезах лепестков и облаков. Поглаживая кончиком пальца кисть с темно-красным черенком, она ощутила чье-то присутствие и, обернувшись, оказалась лицом к лицу с англичанкой из серебряного павильона.

— Киото не такой уж большой, рано или поздно

здесь все равно встречаешься снова, — сказала женщина.

И протянула руку, представилась:

— Меня зовут Бет. Как ваши дела, все хорошо?

На ней было платье из белого шелка, а поверх него элегантный длинный пиджак.

— Чудесно, — ответила Роза, — развлекаюсь как сумасшедшая.

— Я сразу заметила, — сказала Бет, и было непонятно, прозвучала ли в ее словах ирония.

— Вы здесь живете? — спросила Роза.

— Более-менее, — ответила та. — А вы? Что привело вас в Японию?

Роза заколебалась, потом, сама себе удивляясь, точно бросилась со скалы:

— Я приехала услышать завещание отца.

Повисло молчание.

— Отца-японца? — спросила Бет.

Роза кивнула.

— Вы дочь Хару? — снова спросила англичанка.

Новая пауза. Дочь ли я Хару? — задалась вопросом Роза. Я дочь маленького мальчика с ледяных гор.

— Вы его знали?

— Да, — ответила Бет, — я очень хорошо его

знала.

Она бросила взгляд за плечо Розы.

— За вами следят, — сказала она.

Роза заметила Канто, стоящего перед палочками туши.

— Возьмите, — сказала Бет, протягивая свою визитку. — Позвоните мне, когда будет время.

Легким жестом она насмешливо поприветствовала шофера и вышла из магазинчика. Роза подошла к Канто.

— Shall we go back home?[40] — спросила она.

Он, казалось, почувствовал облегчение, поклонился и знаком пригласил ее следовать за ним. В галерее они свернули направо и вскоре оказались под открытым небом на широком проспекте, где он поймал такси. Ее позабавили белые кружева на сиденьях, белые перчатки и опереточная каскетка шофера. Она чувствовала себя язвительной — *да, язвительной, если это имеет смысл, я хочу язвить, я хочу жить, чтобы язвить*. В садике перед домом изысканно увядали сиреневые азалии, их скомканные лепестки покрывались прелестными морщинками, ветви были усыпаны умирающими звездами. Она ми-

---

[40] Примечания: 40
Отправимся домой? *(англ.)*

новала прихожую, на ходу коснувшись пальцем пиона. В комнате с кленом она обнаружила Поля, тот сидел на полу, вытянув скрещенные ноги и прислонившись спиной к стеклянной перегородке, и читал. Он поднял на нее глаза.

— Я готова к следующим «американским горкам» с сентиментальными виражами, — сказала она.

— Сарказм вам идет, — ответил он.

Она замолчала, сбитая с толку.

— Ребенком вы были озорницей, — добавил он, вставая. — Это видно по фотографиям.

Его слова задели ее. Чтобы сменить тему, ока указала на книгу.

— Что вы читаете? — спросила она.

— Стихи.

Иероглифы на обложке складывались в набросок колышущегося на ветру тростника; внутри идеально очерченного тушью круга неслись птицы и облака.

— Чьи?

— Кобаяси Исса, — ответил он.

— А, ну да, ад, цветы.

— Крыша ада, — уточнил он.

Розе показалось, что они миновали вчерашний ресторан с шашлычками возле серебряного

павильона, свернули на улицу, где она обедала с шофером. И правда, ресторан располагался прямо напротив столовки из детства, и она снова оказалась в затерянной стране, в снах дерева, в грезах об ушедшей жизни. Справа, на приподнятом помосте с бумажными перегородками, посетителей ждали татами и низкие столики. Слева стойка преграждала проход в служебное пространство, а над ней — полки, заставленные изумительной посудой. Все было коричневым, серым, охряным и теплым; на шероховатых, присыпанных песком стенах — работы каллиграфов, свитки; повсюду фонарики из изящно смятой бумаги; она чувствовала, что могла бы затеряться в этом подобии исчезнувшей жизни. Они присели возле барной стойки. Над головой в подвешенной корзине вспыхивали, как блуждающие огоньки, речные ирисы.

— Iris japonica, — сказала она, глядя на цветы, и добавила: — Здесь красиво.

— Пиво? — спросил он.

— И саке.

Принесли пиво — холодное, изумительное. Повар встал за стойку и принялся собирать на узком блюде с лежащими поперек креветками горную гряду из незнакомых овощей, золотистых

волокон, клубней, похожих на маленькие луковки, аккуратно укладывая их в череду холмиков.

— Дайкон, лук, коренья, имбирь, местные ростки, — пояснил Поль в тот момент, когда повар водружал свою скульптуру перед ними, а официантка дополняла ее мисками с дымящимся бульоном, блюдом с крупной белой лапшой и маленькой емкостью с жареным кунжутом и деревянной ложечкой.

Он указал на миску:

— Положите туда три ложечки кунжута, несколько разных овощей, немного удона[41], съешьте и повторите снова.

Подали саке, холодное и изысканное, Роза бросила семечки кунжута в бульон, ощутила их трепет, и ее это взбодрило. Осторожно добавила лепестки имбиря, редиса, разные ростки. Попробовала вывалить туда же лапшу, неловко подцепила ее с деревянной стойки, в конце концов выловила одну пальцами, продолжила борьбу и, запыхавшись, сдалась.

— Это чтобы вымотать клиента, прежде чем он начнет есть? — спросила она.

Огляделась вокруг, увидела, что другие едоки

---

[41] Примечания: 41

Удон — японская крупная лапша.

наклоняют голову к самым мискам и шумно втягивают в себя лапшу. Она решилась, ухватила одну, та угрем выскользнула из ее палочек и с брызгами шлепнулась ей на блузку.

— Понимаю, — сказала она, — это издевательство над новичком.

Поль улыбнулся. Со следующей порцией она схитрила, заставив лапшу скользнуть из одной миски в другую и используя палочки сбоку, как пинцет.

— Я встретила в городе ту англичанку из серебряного павильона, — сказала она. — Она была знакома с Хару.

Он заинтересованно вскинул бровь.

— Дама в возрасте, очень изысканная?

— Да, и прекрасно говорит по-французски.

— Бет Скотт, — сказал он. — Старая подруга. О вашем существовании она узнала на похоронах, как и половина города.

Роза отложила палочки.

— Никто не знал?

— Почти никто.

— А кто был в курсе?

— Сайоко и я.

— А еще кто?

— Больше никто.

— Даже ваша жена?

— Моя жена умерла, — сказал он.

Повисло молчание. Она хотела сказать *мне очень жаль*, но не смогла.

— Она была японка? — спросила она.

— Она была бельгийка, как и я.

Он отложил палочки, сделал глоток пива.

— Когда она умерла? — спросила Роза.

— Восемь лет назад.

Она подумала: его дочь сирота. В тишине, прерываемой глотками пива, где-то, в месте огромном и разреженном, невидимом, как небо, что-то изменило свое расположение. Она уловила приход дождя, запах жаждущей земли, траву под ветром. Потом новое перемещение, запах подлеска и мха. Она заплакала крупными слезами, брызнувшими, как сверкающие жемчужины. Она чувствовала, как они наливаются, текут и выплескиваются в мир, напоенные светом. Она ненавидела себя. Наклонила голову, продолжая рыдать. Из носа текло. Поль протянул ей носовой платок. Она взяла и зарыдала еще сильнее. Он ничего не говорил, спокойно допивая свое пиво. Она была ему за это признательна, поток иссяк, она взяла себя в руки.

— Поедем, выпьем саке, — сказал он, вставая.

В темноте машины Роза почувствовала себя лучше. Слезы и саке меняли город, придавая ему новую текстуру, патину ртутного зеркала.

— Что было труднее всего? — спросила она.

Он не ответил, и она решила, что допустила бестактность.

— Простите, — сказала она, — это было бестактно.

Он отрицательно покачал головой:

— Я подыскиваю верные слова.

Голос его звучал как-то издалека, приглушенно.

— Сначала отсутствие, — снова заговорил он. — Потом долг и крест быть счастливым без Клары.

— Долг? — повторила Роза. — Перед вашей дочерью?

— Нет, — сказал он, — перед собой.

Она замолчала в смятении.

— Чувствуешь, что больше не говоришь на одном языке с остальными. И понимаешь, что это язык любви.

— Я никогда на нем не говорила, — сказала она.

— Почему вы так думаете?

— Потому что считаю, что нельзя что-то дать, ничего не получив, точно так же, как не верю в

этот вздор о том, что способность давать возвращает к жизни. Иначе какой смысл давать, если ты уже умер?

— Вы начинаете понимать природу его жертвы, — ответил он.

— Весь этот фарс бесполезен, — заявила она.

Машина остановилась на улочке в центре города. Они поднялись по наружной лестнице на последний этаж небольшого унылого бетонного строения и попали в зал с большими застекленными проемами, выходящими на восточные горы. Вдоль всего помещения тянулась барная стойка, но обстановка из матовых, словно песчаных перегородок и светлого дуба скрадывалась роскошью гор, открываясь в таинства ночи, в туманную поэму хребтов. В баре никого не было. Когда они усаживались, из неприметной двери справа появилась молодая японка.

— Саке? — спросил Поль Розу.

Она кивнула:

— Мне хочется выпить.

— И не вам одной.

Она почувствовала благодарность за неожиданное сопричастие, расслабилась. После первой выпитой в молчании чашечки он заказал еще, и ее потянуло на разговор.

— Где ваша дочь?

— На острове Садогасима, в Японском море, с подругой, — ответил он. — Они там разгуливают повсюду целыми днями, сегодня она сказала мне, что забыла свой бэнто[42] в корзинке велосипеда, а ворона утащила его, но больше всего ее возмутило, что никто не приготовил бэнто для вороны.

Нежность в его голосе, возникшие в ее воображении картины, рассказ про ворону причинили Розе боль.

— Почему вы решили учить японский?

— Потому что его учила Клара.

Внезапно она почувствовала, что протрезвела, хотела что-то сказать, чтобы опьянение вернулось, но дверь открылась, и кто-то с шумными возгласами ввалился в бар. Поль обернулся и заулыбался. Вошедший — старый японец, морщинистый, как черепаха, — был пьян в стельку. На голове у него было нечто вроде твидового борсалино[43] с продавленной тульей и какими-то нашивками. Одна пола рубашки вылезала из штанов. Льняной пиджак явно видал виды. Заметив их, он в знак ликования воздел руки к небу

---

[42] Примечания: 42

Бэнто — японский термин для однопорционной упакованной еды.

[43] Примечания: 43

Борсалино — мужская шляпа с широкими полями.

и растянулся на полу. Поль предупредительно помог ему подняться, тот разразился потоком веселых слов и сразу же устремился к стойке.

— Кейсукэ Сибата, художник, поэт, каллиграф и гончар, — сообщил Поль Розе.

И алкаш, подумала она. Кейсукэ Сибата склонился к ней и в упор принялся разглядывать ее, дыша в лицо перегаром саке. Поль мягко потянул его назад и усадил на табурет.

— Он говорит только по-японски, — сказал Поль.

— Хвала Господу, — обрадовалась Роза.

Кейсукэ отчетливо рыгнул.

— Думаю, перевод не потребуется, — заметила она.

— Увы, — сказал Поль, — он неисправимый болтун.

И действительно, японец принялся стрекотать, как сорока, обращаясь то к Полю, то к кому-то невидимому в глубине зала. Роза осушила несколько чашечек. А тот продолжал болтать, опрокидывая в себя саке, Поль отвечал односложно, иногда смеялся. Наконец беседа замедлилась, когда пьяница, упершись обеими ладонями о барную стойку, стал тихонько присвистывать себе под нос.

— Он когда-нибудь бывает трезвым? — спросила Роза.

— Иногда.

— И какова история его жизни?

— Он родился в Хиросиме в сорок пятом году. Его семью уничтожило атомным взрывом. В семьдесят пятом во время землетрясения он лишился жены и дочери. В восемьдесят пятом его старший сын погиб, неудачно нырнув. Одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года его второй сын, биолог, находился в командировке на побережье, в префектуре Мияги, в двадцати километрах от Сендея[44]. Он не успел подняться на возвышенность.

Она поскоблила ногтем невидимое пятнышко на стойке. Откуда-то надвигалась неясная угроза. Она выпила еще саке.

— На похоронах Нобу шел дождь, и Кейсукэ упал в кладбищенскую грязь. Хару поднял его и прижимал к себе на протяжении всей церемонии. Кто-то подошел с зонтом, но он отослал его. Они стояли вместе, неподвижные, под дождем, и мало-помалу мы все тоже закрыли свои зонты. Помню, я почувствовал тяжесть и жестокость

---

[44] Примечания: 44

11 марта 2011 г. в районе Сендея произошло землетрясение. Одним из последствий была авария на АЭС Фукусимы.

воды, а потом забыл и то и другое. Мы вступили в мир призраков. У нас больше не было плоти.

Он умолк, и у Розы вдруг замерзли ноги. Она попыталась сосредоточиться на черном небе, на приветливых горах. Угроза бродила вокруг. Она различила тени, ливень, пену на земле. Нет, с усилием подумала она, — но дождь лил, она стояла на коленях, не было больше ни гор, ни людей, и в этом мире исчезнувшей плоти, в пучине закрытых зонтов, она тонула в грязи, и все кладбища собрались перед ней, а она только скиталась от одного к другому, обреченная на падение, на трясину, на потопы.

— Глядя на Хару и Кейсукэ, зная, что вскоре вернусь на то же кладбище, я думал: мы все пленники адских печей, — сказал Поль.

Рядом с ним рыгнул японец.

— На похоронах бабушки тоже шел дождь, — сказала она. — Я не помню про грязь, только про дождь. Все сказали, что это бред, но я знаю, что он был черным.

Она помолчала, постаралась собраться с мыслями, плюнула на связность.

— Позже я читала, что после атомного взрыва на Хиросиму и Нагасаки падал черный дождь.

Ей хотелось придерживаться логики, но та

ускользала.

— Бабушка любила ирисы. Она любила дождь над садом, — сказала она, подумав: я совсем пьяна.

Внезапно перед ее внутренним взором предстало лицо Паулы. Она услышала, как та говорит: *пора рассадить ирисы*, снова увидела ее в саду, в белом платье, грациозно склонившейся над цветами, исполненную тишины и любви.

Рядом ожил Кейсукэ.

— Он спрашивает, кто вы, — сказал Поль.

— И кто я? — поинтересовалась Роза.

Последовал короткий обмен японскими фразами, и Кейсукэ насмешливо хлопнул Поля по плечу.

— Он говорит, что вы выглядите еще более мертвой, чем ваш отец, — перевел Поль.

— Как мило, — пробормотала она.

— Совершенно замороженная, — уточнил он.

Глядя на нее, тот хохотнул, дохнув вонючим перегаром.

— Он полагает, что это хорошая карма, что нужно умереть в первый раз, чтобы родиться по-настоящему.

— Он находит свои сентенции в печенье с предсказаниями?

Поль перевел, и японец хлопнул в ладоши.

— Он говорит, что вы не знаете, кто вы.

Японец звучно ударил по столу и крикнул: ха!

— Он говорит, это нормально, потому что вы еще не родились.

— И когда я должна родиться, по мнению Великого Пропойцы перед Господом?[45] — спросила она.

— Я не Будда, сами разбирайтесь, — перевел Поль, а японец в этот момент, громко пукнув, рухнул под стойку бара и захрапел, пристроив голову на руки.

---

[45] Примечания: 45

Намек на Нимрода (Немврода), внука Ноя, о котором в Библии сказано, что он был «великий ловец перед Господом», то есть искусный охотник.

Роза повернулась к застекленным проемам. В звездной ночи восточные горы, заснувшие под чернильным саваном гиганты, говорили на внятном ей языке. Где-то внутри ее трепетал родник, но она знала, что понимает и чувствует его, потому что пьяна, а назавтра стихи и струи светлой воды будут мертвы.

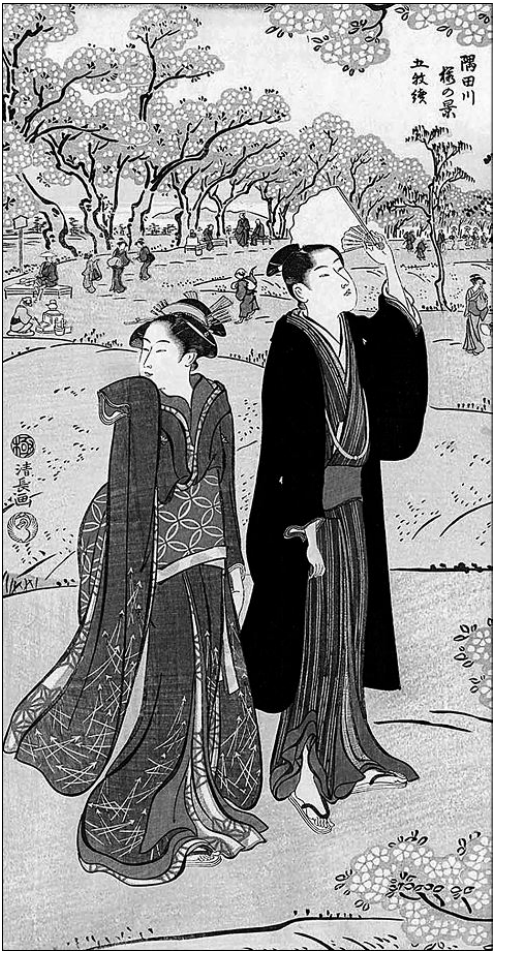
— Что вам здесь нравится? — спросила она.

Наступило молчание, потом Поль ответил:

— Поэзия и ясновидящие пьяницы.

— Этого достаточно, чтобы жить?

Пока он вставал, не ответив, она осознала, что он хотел сказать: существует только любовь, а потом смерть; но он сдержался, потому что она была уже мертва. Позже, среди ночи, она проснулась. Было жарко. В окно сквозь неподвижные ветви деревьев она увидела луну, огромную и золотистую, и вспомнила свой сон. Сидя в поле диких ирисов, на нее смотрела лисица.


隅田川
桜の景
立牧後
清長画

5

Во времена самураев на острове Садо в Японском море жил отшельник, который с утра до вечера смотрел на горизонт. Он дал обет посвятить свою жизнь этому созерцанию, погрузиться в него целиком, познать упоение оттого, что стал лишь линией между морем и небом. Однако он всегда вставал за сосной, которая перекрывала ему полный обзор, и когда у него спросили, почему он так поступает, он ответил: потому что я ничего так не боюсь, как преуспеть.

За сосной

Утром шел дождь. На фоне прозрачного неба восточные горы курились поднявшимся туманом, река отяжелела от ливня. В бледном утре, в непроницаемой серой картине, где мелькали призраки, небо и вода сливались и изничтожали друг друга в едином устремлении. Эта пустотность терзала Розу, но вырваться из нее она не могла; в адских печах люди закрывали свои зонты; не прозревающая свою жизнь, она скиталась в землях пустынных и бесплодных, как сама смерть. Эту

линию фронта никогда не покинуть, подумала она, невозможно бороться с бесплотным. Вчерашние гвоздики сменили букетики ирисов в белой, как яичная скорлупа, вазе. Вид цветов отвлек ее от дождя, она приняла душ, оделась, отправилась в комнату с кленом. На мгновение ей показалось, что его ветви слагаются в крест, и на фоне черного неба она разглядела все распятия мест и времен, память о которых ненавидела. Потом виде́ние исчезло, и дерево стало мерцать. В нем больше не ощущалось голгофы, и она залюбовалась, как чудесно его усыпали кристальные жемчужины, прозрачные и дрожащие, словно застывшие на листьях. Через какое-то время она удивилась, что по-прежнему одна, и внезапная мысль об отце на кладбище заставила ее выйти из дому. Влажность обволокла ее, как слишком узкое кимоно.

Она вернулась в дом и обнаружила Сайоко в платье и плаще, с небрежно распущенными волосами и сумочкой в руках.

— Breakfast soon[46], — сказала японка.

Она исчезла. Вскоре зазвонил телефон, а затем японка вновь появилась с привычным подносом.

---

[46] Примечания: 46
Завтрак скоро *(англ.)*.

— Paul san meet you at temple[47], — сказала она. — Today very busy. When Rose san finish, drive with Kanto san[48].

Как в армии, насмешливо подумала Роза. С сегодняшней рыбой она справилась с трудом, чай показался отвратительным. Она встала, подошла к двери, за которой исчезла Сайоко, открыла ее.

— Could I get some coffee?[49] — спросила она.

В комнате с матовыми стенами нависал над очагом — простой квадратной дырой, откуда поднимался жар от углей, тесно лежащих в золе, — чугунный чайник, подвешенный к потолку на цепи, пропущенной через длинный ствол бамбука. Над центральной частью очага стоял треножник. Все вместе располагалось в центре небольшого помоста с татами. Вдоль стен шли большие полки с посудой. Чуть дальше под окном находились раковина, газовая плита, рабочие поверхности из мягкого камня и шкафчики с фасадами из светлого дерева. Наконец, огромное

---

[47] Примечания: 47

Поль-сан увидеть вас в храме *(англ.)*.

[48] Примечания: 48

Сегодня тяжелый день. Когда Роза-сан закончить, поехать с Канто-сан *(англ.)*.

[49] Примечания: 49

Можно мне кофе? *(англ.)*

каллиграфическое изображение, написанное тушью на стене, заполняло пространство следами промчавшейся кометы. Чайник посвистывал, комната повествовала о былых ощущениях, о том обжитом, но ином мире, в котором Роза терялась; в бежевом хлопковом платье, с простой повязкой на волосах, Сайоко выглядела моложе, немного уязвимей, и Роза задумалась о ее жизни, была ли она замужем и как давно служила у отца.

— I prepare coffee[50], — сказала японка.

Роза жестом поблагодарила, хотела уже закрыть дверь.

— Monsoon is here[51], — добавила Сайоко. — I give you an umbrella later[52].

Только муссона не хватало, подумала Роза. Потом, повинуясь порыву, добавила:

— You take care of people[53].

Сайоко улыбнулась. На светлом гладком лице расцвел цветок. Роза в страхе отпрянула. Я схожу

---

[50] Примечания: 50
Я приготовить кофе *(англ.)*.

[51] Примечания: 51
Муссон пришел *(англ.)*.

[52] Примечания: 52
Потом даю вам зонтик *(англ.)*.

[53] Примечания: 53
Вы очень заботливая *(англ.)*.

с ума, подумала она, но не смогла избавиться от виде́ния распускающегося венчика. Она прислонилась лбом к холодному стеклу; дождь не прекращался, клен ронял капли на мох; улыбка Сайоко уносила ее в другой мир, который шептал ей, что она дома.

Она не доела свой завтрак, не поднимая глаз на Сайоко, выпила кофе. У двери в сад японка протянула ей прозрачный зонтик. Роза раскрыла его, и ей понравилось смотреть на мир сквозь капли воды. В машине ей показалось, что они едут долго, сначала на запад, потом на север, до огромного паркинга перед стеной с большими деревянными воротами.

— Paul san coming soon[54], — сказал шофер, — Rose san waiting inside or outside?[55]

— Outside[56], — сказала она.

От звука падающего на зонт дождя ей стало лучше и на мгновение захотелось жить в полной и замкнутой капле, где нет «иных мест» и «иных времен», нет перспектив и желаний. Она

---

[54] Примечания: 54
Поль-сан скоро здесь *(англ.).*

[55] Примечания: 55
Роза-сан ждать снаружи или внутри? *(англ.)*

[56] Примечания: 56
Снаружи *(англ.).*

подошла к воротам; мощенная камнем дорожка вилась меж стен храмов; она повернула обратно. Через несколько минут рядом с ней остановилось такси, оттуда вышел Поль с прозрачным зонтиком в руке.

— Простите, — сказал он, — у меня этим утром была важная сделка.

Он раскрыл свой зонт, на него опустился заблудившийся листок.

— Вы немного прогулялись?

— Нет, — сказала она. — Где мы?

— В Дайтоку-дзи, — ответил он. — Это комплекс дзен-буддистских храмов.

— А что за важная сделка? — спросила она, пока они шли по дорожке к тому месту, где та под прямым углом сворачивала направо. — Большие деньги?

— Постоянный клиент, — сказал он.

— Что вы продали?

— Ширму. Большую ширму, расписанную одним из крупнейших ныне живущих художников Японии.

— Сколько она стоит?

— Двадцать миллионов йен.

— Вижу, денежные затруднения вам не грозят.

— Речь идет, скорее, о вас, — сказал он.

Она остановилась посреди дорожки.

— Я не хочу денег.

Он тоже остановился.

— Вы понятия не имеете о том, чего хотите.

Она не уловила в его голосе ни осуждения, ни упрека, хотела ответить и сделала нетерпеливый жест: с меня довольно. Они двинулись дальше.

— Почему вы прихрамываете? — спросила она.

— Несчастный случай в горах.

Дождь прекратился. Она осознала, какая царит тишина, тишина *горизонтальная*, чистая и непостижимая — вот бессмыслица, подумала она. Однако эта тишина парила над дорожками, Роза чувствовала, как при каждом шаге взрезает ее где-то на уровне середины бедра и та образует слой невидимых волн между камнем и воздухом. По обе стороны шли стены, серые крыши, сады, видневшиеся сквозь деревянные порталы. Она напоминала себе, что она всего лишь марионетка, которую водят по воле мертвеца, но тишина этих мест изливалась на нее, погружая в необычные мысли. Они остановились перед входом в храм. На деревянной табличке справа она прочла *Kōtō-in*[57]. Прямо перед ними корот-

---

[57] Примечания: 57

Kōtō-in — Кото-ин, небольшой храм, часть храмового комплекса. Известен своей чайной комнатой и садом с кленами.

кая мощеная дорожка с бамбуковыми перилами и череда сосен вели к охряным стенам; в глубине слева выгибалась арка большого портика под серой черепицей; от того, что явно служило лишь преддверием, исходило ощущение границы, благоухание другого мира.

Роза ступила на дорогу.

Музыка сосен обволокла ее, как литургия, погрузила в когтистые ветви, чьи изгибы оканчивались мягкими иглами; в воздухе витали отголоски духовных песнопений, мир обострялся, она теряла ощущение времени. Снова пошел дождь, мелкий и частый, она раскрыла прозрачный зонт — в поле ее зрения что-то шевельнулось. Они миновали портал, еще один поворот вел направо, и перед ними простерлась аллея. Длинная, узкая, обсаженная кустами камелий, с бамбуковыми перилами над серебристым мхом по обеим сторонам и высокими серыми стволами бамбука за перилами, укрытыми кленовыми сводами, эта аллея вела к воротам под крышей из соломы и мха, на которой росли ирисы и распласталось кружево листьев. На самом деле это было нечто большее, чем аллея; путешествие, сказала себе Роза; дорога к концу или к началу. Они двинулись по аллее и, как в первый день, ее пронзило

давнее страдание, омытое взрывами радости, вырванными из небытия. Еще два поворота, и они оказались перед входом в храм. Пройдя по коридорам до галереи, возвышающейся над обширным пространством, заросшим мхом, Роза почувствовала себя дома. Здесь тоже росли бамбук и клены, стоял каменный фонарь, но главным была необычная свобода, гибкое сочетание, в котором солома и деревья, казалось, играют с ветром. Она дышала легко, охваченная ощущением *возможности*, влекомая к линии чудесного излияния — более свободная, несовершенная и живая. Им принесли по пиале зеленого пенистого чая, на который она глянула с неуверенностью.

— Чай матча, — сказал Поль, посмотрев на нее.

А поскольку она по-прежнему колебалась, добавил:

— Давайте-давайте, жизнь для того и существует, чтобы пробовать.

Она неохотно поднесла сосуд к губам. В привкусе зелени, в натиске листьев и травы, ряски и кресс-салата она узнала землю риса и гор, куда ее занесло, — землю, где из всего убирали сахар и соль, оставляя лишь привкус без всякого привкуса, привкус ничего, обтекаемый и бесцветный концентрат леса до появления человека. Вкус

ничего, вкус всего, подумала она. Эта страна меня убивает.

— Эта страна меня убивает, — произнесла она.

Он засмеялся — а она даже не поняла, было это одобрением или насмешкой. Она попыталась определить то ощущение, которое сейчас испытывала.

— Это что-то из детства, — добавила она.

— Вам не нравится? — спросил он.

— Я не понимаю, что в детстве такого хорошего.

— Но его нельзя из себя вырвать.

— Это ваш вечный аргумент; значит, нужно покориться и жить с ним? — сказала она.

— Я не призываю к смирению. Я только стараюсь понять, в чем поражение и в чем мудрость.

— Поражение? — спросила она. — В таком случае где победа?

Он огляделся вокруг.

— Жизнь есть преображение. Эти сады — преображение меланхолии в радость, скорби — в наслаждение. То, на что вы смотрите здесь, — это ад, ставший красотой.

— Никто не живет в садах дзен, — возразила она.

Они покинули храм по аллее чудес и снова ока-

зались в сосновом преддверии. Она вспомнила о садах серебряного павильона, вычерченных с неумолимой точностью и словно клинком меча; потом о только что покинутых гибких и беззаботных садах Кото-ин — подумала, что точно так же бродила по первым, как по стране детства, и поняла, что в каждом саду есть отзвук невинности и стали лезвия, что и по ним ходили, как по крыше ада, любуясь деревьями, что поиск равновесия между чистотой счастья и жестокостью желания и есть сама жизнь. На мгновение она загляделась на сосны. Дождь пошел сильнее, и они раскрыли зонты.

Позже шофер высадил их у моста, по которому она шла накануне. Дождя уже не было, Поль остановился, облокотившись на перила, лицом к северным горам. Темно-синие на фоне темно-серых туч, они выбрасывали в сторону невидимого свода тяжелые залпы дымки. По мосту у них за спиной двигалась густая толпа — праздно шатающаяся молодежь, туристы, обыкновенные мужчины и женщины, озабоченные поддержанием своего существования, которое Роза находила непостижимым и беспощадным. Мимо с серьезным взглядом и сосредоточенным видом

прошла майко[58].

— Мост Сандзё всегда надрывает мне сердце, — сказал Поль, проследив за ней взглядом.

Роза посмотрела на белый затылок[59] женщины, представила себе жизнь, полную секретов и слез по вечерам.

— Это не мои слова, а Кейсукэ, — добавил он.

> *Мост Сандзё всегда надрывает мне сердце,*
>
> *как нежное зернышко риса, и превращает его в муку на затылке майко.*

Она последовала за ним к той же торговой галерее, где уже бывала, но на этот раз они свернули влево и оказались в ресторане с длинной барной стойкой из позолоченного дерева. Поль поздоровался с официанткой и двинулся к задней комнате, занятой единственным большим столом. Свет обволакивал их шелковистым дыханием, Роза видела и ощущала его как единое

---

[58] Примечания: 58

Майко — ученица гейши.

[59] Примечания: 59

Имеется в виду специфический макияж, наносимый на затылочную часть шеи майко: под волосами оставляют незакрашенной часть шеи, как бы обозначая «чувственный участок», в то время как остальная часть шеи, как и лицо, покрыты белилами. Этот участок называют «эри-аси».

прикосновение и к глазам, и к коже. На протяжении всего обеда, состоявшего из чередования маленьких изысканных и странных блюд, они молчали. Под конец Поль заказал кофе, и ей захотелось поговорить.

— Утренний чай был почти безвкусен и в то же время обладал вкусом всего, — начала она.

— Это хорошее определение Японии, — сказал он.

Она продолжила свою мысль:

— Бабушка говорила, что все давило на мою мать, что она воспринимала жизнь как гранитную глыбу, как одну непереносимую тяжесть.

— Есть одно императорское поместье в западной части города, оно называется вилла Кацура, — сказал он.

И умолк.

— И что? — спросила она.

Он не ответил. Задумался.

— При входе перспектива сада и прудов скрыта сосной, так что их невозможно охватить одним взглядом, — снова заговорил он. — Возможно, жизнь — это всего лишь картина, на которую мы смотрим из-за дерева. Она предлагает нам себя целиком, но мы воспринимаем ее только через последовательную смену угла зрения. Депрессия

ослепляет, не давая сменить угол зрения. И цельность жизни становится непосильным грузом.

Она выбросила из головы настойчиво возникающие картины, сосредоточилась на деревьях Кото-ин, на мшистом и лиственном ложе, в которое врос фонарь; она затерялась среди ветвей, впитывая их каллиграфию, их безмолвные тексты. Деревья в плену у земли, подумала она, и все же они — возможность жизни, сотворенные, чтобы воплотить корни и полет, тяжесть и легкость, могущество воли к действию вопреки плену. Потом мрачное настроение вновь взяло верх.

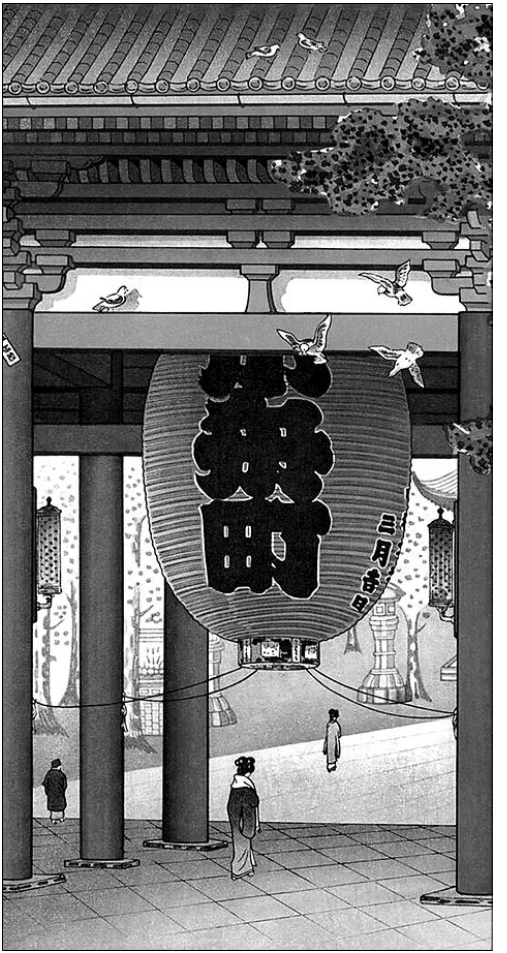
— Жизнь все равно в конце концов раздавит нас. Зачем пытаться, если мы в плену?

— А чем мы рискуем? — спросил он. — Самим фактом жизни мы уже приняли на себя весь риск.

Снова оставшись одна в доме отца, она праздно бродила между своей спальней и комнатой с кленом. Двери вдоль коридора манили ее, но, когда она протягивала руку к одной из них, ею овладевало ощущение святотатства. Воспоминание о серьезном взгляде майко заставило ее присесть перед деревом в его стеклянной клетке. Мысли разбегались, время текло в ледяной неподвижности. Мне страшно, внезапно подумала она, и

из небытия возникла картина. Когда? — спросила она себя, увидев всплывающий в памяти свежий венчик, лежащий рядом с ботаническим атласом с размытыми контурами. Лепестки боярышника мягко колебались, она видела себя записывающей что-то в тетрадь; обстановка от нее ускользала; где-то внутри ее трепетал цветок. *Я училась, готовилась к профессии.* Она попыталась вспомнить тот момент, потом ее поразила бесполезность этой попытки — как и любой попытки вообще. Тогда картинка сменилась другой, и за разорванной завесой памяти возникло улыбающееся лицо матери. В дрожащем контуре воспоминания мать показалась ей более реальной и настоящей, чем когда-то, и ирония этого воплощения вызвала у нее сухой смешок. Сколько улыбок за тридцать пять лет? — с горечью спросила себя она, и все внезапно вернулось — кухня Паулы, цветок и атлас на столе, стоящая перед ней Мод, сияющая, вышедшая из тени, которая улыбается ей и спрашивает: это боярышник? Сколько лет мне было? — подумала Роза. Двадцать? Наверняка сто. И еще: какой траур тяжелее? По тому, что потерял, или по тому, чего никогда не имел? Потом неожиданно она вспомнила о сосне на вилле Кацура, которая не давала

увидеть целостность жизни, и подумала: я не боюсь потерпеть неудачу, я боюсь преуспеть.


三月吉日

6

В Киото есть один почитаемый храм, обделенный красотой знаменитых сокровищ города, но весьма ценимый благодаря его саду из двух тысяч сливовых деревьев, куда весь город стекается на прогулку в последние дни февраля. Несмотря на это, Исса, замечательный поэт, ходил туда, только пока деревья стояли еще черными и голыми, лишенными цветов, которые позднее благоухали на всю округу. Едва появлялся первый бутон, Исса покидал сад, в то время как его коллеги приходили насладиться чудом лепестков, появлявшихся на зимних ветвях. Когда, бывало, кого-нибудь беспокоила подобная странная привычка, лишавшая поэта самого прекрасного цветения в году, в ответ он смеялся и говорил: я долго ждал в полной наготе; теперь сливовый цветок во мне.

Сливовый цветок во мне

Мод, мать Розы, выросла в меланхолии и цеплялась за нее с поразительным упорством, чем бы потом ни занималась в жизни. Время омывало жизнь дождем, озаряло солнцем, над ней сияла

луна, но Мод пребывала во мраке. В сущности, она обитала в своей печали, как лисица в норе; если она и выбиралась в лес, то лишь для того, чтобы вернуться обратно в неизменном состоянии; какие только уловки ни испробовала Паула, ее мать, но всякий раз утыкалась в твердокаменные скалы. Через какое-то время, устав от войны и разбив себе сердце, Паула сдалась. Шли годы, тонущие в сером вязком тумане, Мод работала, путешествовала, возвращалась, неколебимо замкнувшись в своем сумрачном замке. Поэтому, когда она приехала из Киото беременной от мужчины, которого сразу же бросила, Паула впала в совершенное отчаяние. Она хотела, чтобы Мод пообещала, что новорожденный будет знать своего отца, но натолкнулась на бурю неслыханной ярости — единственное возмущение тихой глади моря привычной меланхолии, которое когда-либо позволила себе дочь.

Роза родилась и своим именем была обязана Пауле, которая любила цветы и хотела, чтобы ее внучка чувствовала свое с ними родство. Вскоре Мод бросила работу и проводила дни в гостиной, глядя на застекленные стены и не обращая внимания на лилии. Время от времени она плакала, но вкладывала в это, как и во все остальное,

не слишком много чувства — в такие моменты Паула уводила Розу в сад, не строя иллюзий, что действительно сможет ее защитить. Однако в течение десяти лет она, затаив дыхание, хотела верить в чудо; по правде сказать, Роза росла прелестным ребенком: она читала, исследовала мир и дни напролет смеялась; потом как-то вечером слезы матери сгубили и ее, хотя с десяток лет она их будто не замечала. Паула отправила последнюю фотографию Розы перед тем, как у нее помрачился разум, некоему Хару Уэно, чье имя и адрес значились на письме, присланном Мод. На обратной стороне она просто подписала *Паула* и так никогда и не узнала, дошло ли ее послание, попытался ли он ответить, несмотря на запрет, и ей это долго не давало покоя.

В своем письме к Мод Хару Уэно написал только: *Я подчинюсь твоему желанию и не буду искать встреч со своей дочерью, я не причиню тебе боли.* Однажды, когда Роза праздновала свое двадцатилетие, Паула поняла, что внучка читала письмо.

— Когда? — спросила она, хотя заранее знала ответ.

— И ты молчала все десять лет? — добавила она.

Роза кивнула, и следующие полтора десятка

лет они об этом не говорили. В тот год, как-то июньским вечером Мод, набив карманы камнями, пошла к реке и утопилась, предварительно насладившись величественной тишиной и полюбовавшись отражением деревьев в зеркале недвижной воды.

— И всё ради этого, — с яростью сказала Роза.

— Теперь ты можешь познакомиться с отцом, — тихо проговорила Паула.

— Я могла бы и раньше сделать это, — ответила Роза, — письмо было адресовано не мне.

Потом вернулось молчание, чтобы снова лишить их жизнь звуков. Два года спустя умерла и Паула. В тот же вечер Роза отдалась своему тогдашнему любовнику с безразличием столь беспощадным, что не почувствовала, как он вышел из нее, не услышала, как он покинул спальню, а назавтра не вспомнила, что принимала его в своей постели, в своем теле, в своей отныне обескровленной жизни. Прошло несколько месяцев, и Роза больше не знала, кто она. Из полного разгрома рождалось некое успокоение, и она перестала хотеть счастья; впрочем, это желание уже давно и без того было столь зыбким, что безропотно уступило. Три года протекли в этой аморфной бесчувственности. И наконец она села

на самолет в Киото.

Она проснулась с ощущением беды и дождя. Мир в шуме воды казался мимолетным и далеким. Она дошла до комнаты с кленом и увидела, что ее заливает странный прозрачный свет. Из мерцающей тьмы ливня брызнула вспышка радости.

Сайоко вышла из кухни.

— Paul san coming[60], — сказала она. — Rose san want tea?[61]

— Coffee, please[62], — ответила она.

Розе хотелось задержать ее, спросить, кто она, почему говорит по-английски. Японка почувствовала ее колебания, ненадолго задержалась, но, поскольку Роза так ничего и не сказала, ушла. Она вернулась с красной чашкой неправильных очертаний и изящества макового цветка и посмотрела, как Роза пьет.

— Rose san beautiful[63], — сказала она.

---

[60] Примечания: 60
Поль-сан сейчас идет *(англ.)*.

[61] Примечания: 61
Роза-сан хотеть чай? *(англ.)*

[62] Примечания: 62
Кофе, пожалуйста *(англ.)*.

[63] Примечания: 63
Роза-сан красивая *(англ.)*.

Удивленная Роза поставила чашку. Японцы всегда считают европейцев красивыми, подумала она.

— Japanese people always find Western people beautiful[64], — вслух произнесла она.

Сайоко засмеялась:

— Not always. Too fat[65].

Они услышали, как раздвинулась дверь прихожей.

— I remember your mother[66], — сказала Сайоко. — Very sad[67].

И в тот момент, когда Поль входил в комнату, исчезла.

— Куда мы отправимся на этот раз? — спросила Роза.

— В Синнё-до.

— Удивите меня: это буддийский храм?

— Буддийский храм.

В машине у нее возникло ощущение, что тече-

---

[64] Примечания: 64
Японцы считают всех европейцев красивыми *(англ.)*.

[65] Примечания: 65
Не всегда. Слишком толстые *(англ.)*.

[66] Примечания: 66
Я помню вашу мать *(англ.)*.

[67] Примечания: 67
Очень грустная *(англ.)*.

ние ее жизни следует линиям серых улиц.

— Дождь надолго? — спросила она.

— Нет, но вы еще пожалеете о свежести муссона, когда придет летняя жара.

— Похоже, в здешнем климате не забалуешь.

— Привыкнуть можно, — сказал он.

— Япония — страна, где много страдают, но не обращают на это внимания, — вспомнила она.

Похоже, он удивился.

— Это еще в первый день мне сказала ваша подруга Бет Скотт.

— У Бет романтическое представление о Японии, — заметил Поль, — она из тех людей, кто живет в саду дзен.

Автомобиль остановился перед мощеной аллеей, которая вела к красному портику, а потом поднималась к храму и пагоде из темного дерева. Дождь прекратился, они оставили зонты в машине, вышли и окунулись в ароматы влажной земли и незнакомых цветов. Роза ступила на аллею и обернулась, ощутив некое присутствие. Никого. Большой храмовый двор в отдалении тоже был пуст, но ощущение нарастало. *Мы здесь не одни.* Из-за этих невидимых и безмолвных существ, о которых она ничего не знала и чье присутствие наделяло мир новым сиянием, ей ка-

залось, будто она дрейфует в толще времени. Она огляделась вокруг: клены, деревянная пагода; посмотрела на большой темный храм, стоящий на одиноком холме, — ни туристов, ни посетителей. С чего она взяла, что они не одни, что их окружают духи, увлекая в тайные убежища? В то же время она ощущала что-то *озорное*; ничто не настаивало на особом смысле, и все было проникнуто смыслом; что здесь такое? — подумала она.

— Что здесь такое? — спросила она вслух.

— Храм, куда Хару каждую неделю приезжал погулять.

— Как здесь людно, — сказала она, сознавая, что несет невесть что.

— Здесь место духа.

Она сама поразилась собственной раздражительности.

— Вам еще не надоело быть таким напыщенным и сентенциозным? — спросила она.

Впервые с момента их знакомства он казался раздосадованным.

— Вы не оставляете мне никакой возможности для чего-то другого, — сказал он.

— Вы слуга мертвеца, это и делает вас таким скучным и скованным, — продолжила она.

— Я душеприказчик человека, которым вос-

хищался, и по его просьбе выгуливаю его зануду-дочь, водя ее из храма в храм. Вы этого добиваетесь? Чтобы мы затеяли вашу любимую депрессивно-агрессивную игру?

И, оставив ее, он ушел, обогнув храм справа и исчезнув из виду. Она на мгновение замерла, разозлившись на себя, что поступила глупо и ранила его, но испытала облегчение при мысли, что он оказался самым обыкновенным. Хренов великий мудрец, громко сказала она и рассмеялась. Мысль, что придется просить прощения, была приятна. Озорство местных духов ее очаровало. *Что вы такое?* — опять вслух спросила она. Ками? Призраки? Она пошла по аллее, по которой удалился Поль, оказалась позади храма под аркой безнадежно грациозных кленов, свернула вправо, вдоль высоких стен. Вдали перед собой заметила могилы — кладбище, подумала она, только этого не хватало. Затаила дыхание, ступая между захоронений, фонарей и нандин[68]. Везде возвышались камни в форме безликих фигур и длинные деревянные палки, постукивавшие под ветром; украшенные компактными письменами, они окружали могилы — простые мраморные

[68] Примечания: 68

Нандина — разновидность бамбука, другое название — «небесный бамбук».

цоколи с чуть более узкими стелами; некоторые были изъедены временем и покрыты лишайником. С каждой стороны стояли вазы из того же мрамора с изящно подобранными цветами. Повсюду расходились волны мха, отбрасывая нежные голубоватые отсветы, повсюду фонари в своих шляпках с крылышками добавляли в атмосферу лукавые нотки. В молчании мертвецов вольготно потягивалась жизнь, и все вокруг посверкивало и потрескивало. Высокие стойкие деревья шумели под ветром, что-то еще шелестело в мерцании неизвестной магии, в очертаниях могил, храмов, в перестуке палок, в криках медленно круживших над крышами ворон. Розе нравился их нестройный призыв — на грани срыва, подумала она, и, однако, какой покой. Потом: какое место. Она продолжила путь и добралась до вершины холма. Справа в своей вогнутой чаше лежал город. В конце прохода ее ждал Поль, сидя на первой ступени спускающейся к другим могилам и храмам длинной лестницы и глядя на Киото. Она присела рядом.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Ничего вам не жаль, — сказал он. — Вы профессиональная зануда.

Она рассмеялась.

— Так куда лучше, а то я устал демонстрировать понимание.

На другом конце города, чуть затененные подступающими сумерками, слабо поблескивали западные горы. С облаков падал темный наэлектризованный свет; ливень прошелся лаком по крышам храмов, и они переливались муаровыми бликами. Ни одного небоскреба не было видно, бетонные контуры стирались в скучноватом единстве. Поль встал, и она пошла по ступеням вслед за ним. Ветер стих, было тепло и влажно, ей казалось, что она спускается вдоль длинного ряда духов, исчезнувших и не оставивших о себе памяти лет. Почти в самом низу они свернули налево, в короткую аллею, заканчивающуюся у задней стены храма. Там Поль остановился перед одной из могил.

— Мы в Куродани, — сказал он, — где покоится прах Клары, Нобу — сына Кейсукэ — и Хару.

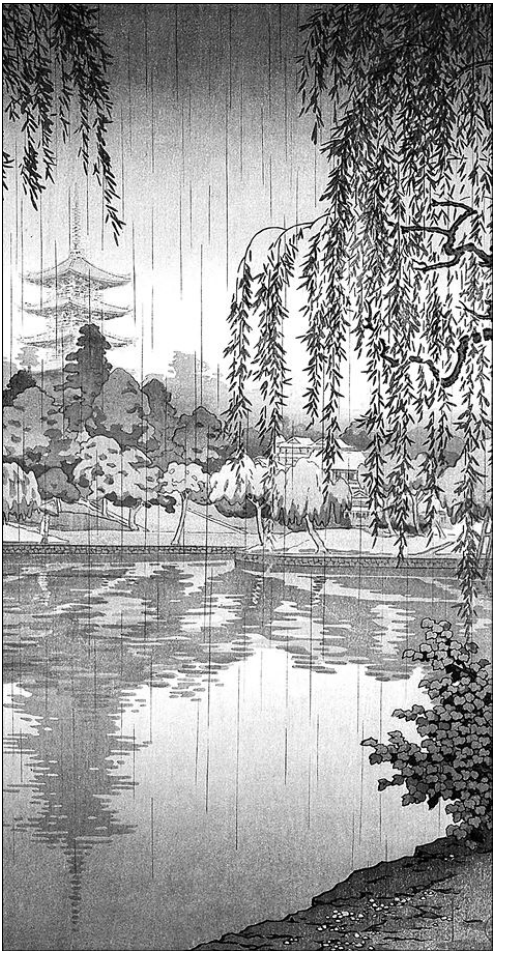
Она посмотрела на могилу отца.

— И что я должна чувствовать? — спросила она.

— Представления не имею, — ответил он.

Она глянула наверх, на ступени лестницы.

— Это необыкновенное место, но я не знаю почему, — сказала она.



Что-то в ней трепетало, как стрекоза. Невыразимые присутствия, небесный бамбук, веселье камней слились в странной заупокойной мессе, и на мгновение у нее закружилась голова. Случайный порыв ветра в вечернем покое заставил ее вздрогнуть, по телу прошел озноб. Могила не вызывала никаких чувств, но словно забрасывала в нее невидимые крючки, и, хотя ничего особенного не случилось, под банальностью ситуации она ощущала происходящие внутри перемены, — ничего зрелищного, сказала она себе, если только из меня не вырастут сучья. Внезапно она опустилась на колени и прикоснулась ладонью к влажной земле перед могилой. *Материя*. Здесь покоится мой отец, подумала она. Встала. Все было по-прежнему, все *переменилось*. Она почувствовала себя опустошенной, измученной. Посмотрела на Поля. Он плакал.

Пока они шли обратно и спускались на тихую улицу, к Канто, который ждал их в темноте у машины, разразился короткий ливень. Ощущение земли пьянило Розу, пространство расширилось, в воздухе витал аромат фиалок. Поль молчал, но между ними установилась новая близость — это лучше, чем секс, подумала она. В машине она на мгновение взяла его за руку. Он сжал ее, не

глядя на Розу.

В ресторане, больше похожем на бар, где выпивали, закусывая шашлычками на гриле, они некоторое время молчали. Мягкая подсветка бросала на предметы и лица теплые светотени, чуть подвижные, отливающие всеми цветами радуги. В освещенной нише на композиции из обнаженных ветвей плясали искорки. Саке продлило их близость, Роза чувствовала себя воздушной и в меру пьяной.

— И никаких цветов, — заметила она, указывая на вазу в алькове.

— Ветви сливового дерева, — сказал он. — Японцы любят их даже больше, чем вишневые.

— Но сейчас ведь не сезон.

— Возможно, это дань почтения Иссе. Он гулял в сливовом саду только до цветения, а когда у него спрашивали почему, он отвечал: цветок во мне.

Она сделала глоток ледяного, почти белого саке.

— Кладбище не значилось в сегодняшней программе, — сказала она.

Он поставил чашечку, задумчиво посмотрел на Розу.

— Хару об этом не просил, — добавила она.

— Я не часто бываю в Куродани, — сказал он,

помолчав. — А когда оказываюсь там, то думаю не о моих мертвецах, а об их похоронах.

Моих мертвецах, повторила она мысленно. А у меня есть мертвецы, которых я могла бы назвать моими?

— На самом деле самое тяжелое не в том, чтобы быть счастливым без другого, — продолжил он, — а измениться, перестать быть тем, кем ты был с другим.

— У вас ощущение, что вы предаете свою жену? — спросила Роза.

— У меня ощущение, что я предаю самого себя, — ответил он.

Они ушли из ресторана, когда ненадолго распогодилось. В рассеявшейся пелене туч блестела огромная рыжеватая луна.

— Мы недалеко от дома, — сказал он, — не хотите пройтись?

Он отослал Канто, и они пошли вдоль реки по освещенному луной берегу, слегка касаясь диких трав, гибких, как балерины. Иногда мимо них проходили гуляющие, их лица были выбелены ночным светилом; похолодало, Поль отдал ей свою куртку. Он был погружен в свои мысли, она пребывала в необычайном возбуждении. Кладбище говорило с ней, могила отца звала, она

чувствовала в себе работу смерти, что вовсе не тяготило ее; эта работа превращалась в некий хоровод, куда втягивались веселые духи, смутные и знакомые силуэты; воспоминание о пустынном храме покрывалось серебристым налетом, который выявлял истинное обличье невидимых присутствий. Бесенята, — прошептала она, — о веселые бесенята, приходите ко мне, как раньше, — и она улыбнулась неожиданно всплывшей в памяти озорной нечисти из давным-давно слышанных старинных сказок. Они дошли до дома, и перед раздвижной дверью Поль попрощался с ней. Она хотела было задержать его, он сделал шаг назад, улыбнулся. Луна исчезала за тучами, она его больше не видела, только слышала, как хлопнула калитка и удалились его спокойные, неровные шаги.

Ночью ей снилось, как она гуляет с отцом по сливовому саду рядом с храмом из темного дерева. Позади них вышагивали бесенята из детских сказок. Перед цветком необычайной красоты с лепестками бриллиантового отлива и тычинками, словно нанесенными светлой тушью, Хару протянул ей руку со словами: *ты примешь риск страдания, дара, неизвестности, любви, поражения и преображения. И тогда как цветок сливы*

остается во мне, так и моя жизнь целиком перейдет в тебя.

Глядя на цветы

7

石山月

Во времена великих сёгунов, в конце эпохи Средневековья, случилась зима такая суровая, что замерзли реки архипелага и животные не могли пить из ручьев. Однажды февральским утром маленький мальчик, выйдя из дома, заметил хорька. Хочешь пить? — спросил мальчик после того, как они некоторое время приветливо смотрели друг на друга. Хорек наклонил мордочку, и ребенок подвел его к кустику фиалок, которые ночью пробились сквозь ледок. Там он сказал: пей из цветков, и хорек стал жадно лизать сиреневые соцветия. Что мы знаем сегодня о том мальчишке? По правде говоря, очень мало — но все же известно, что он стал одним из основателей Пути Чая и однажды создал поэму, говорящую о фиалках во льду.

Фиалки во льду

Роза проснулась и посмотрела в окно. Необъятные туманы окутывали склоны, подымаясь ритмичными выдохами к прозрачному небу. Дождя больше не было, от реки тянуло благоуханием отяжелевшей земли. Поль, подумала она, потом: все ускользает от меня.

В комнате с кленом Сайоко в затканном цвета-

ми глицинии черном кимоно подала ей завтрак.

— Paul san in Tōkyō today[69], — сказала она. — Rose san go to temple with Kanto san[70].

— In Tōkyō?[71] — переспросила она. — It was planned?[72]

— Very important client[73], — сказала японка.

— When is he back?[74]

— Day after tomorrow[75].

Бросили на обочине, подумала Роза. Карканье вороны за окном ударило по нервам, она нетерпеливо встала, пошла в свою спальню, вернулась с визиткой Бет Скотт.

— Can you call her?[76] — спросила она.

Кристаллический призвук в конце фраз Сайоко только добавил неудовлетворенности, и она почти вырвала трубку у японки из рук.

---

[69] Примечания: 69
Поль-сан сегодня в Токио *(англ.)*.

[70] Примечания: 70
Роза-сан ехать в храм с Канто-сан *(англ.)*.

[71] Примечания: 71
В Токио? *(англ.)*

[72] Примечания: 72
А он собирался? *(англ.)*

[73] Примечания: 73
Очень важный клиент *(англ.)*.

[74] Примечания: 74
Когда он вернется? *(англ.)*

[75] Примечания: 75
Послезавтра *(англ.).*

[76] Примечания: 76
Вы можете ей позвонить? *(англ.)*

— У вас найдется сегодня немного свободного времени? — спросила она у англичанки.

— После полудня, — ответила Бет. — Я скажу Сайоко, где мы встретимся.

Сайоко взяла телефон, послушала и повесила трубку с чуть заметной неодобрительной гримасой. Она ее не любит, подумала Роза с недобрым удовлетворением.

— I won't go to the temple[77], — сказала она.

— Yes, you go[78], — невозмутимо произнесла японка.

Розе захотелось ответить *go to hell*[79], она сдержалась, вышла, двинулась через сад, где расплющенные дождем азалии показались ей жалкими, хлопнула дверцей машины. На протяжении всей поездки к восточным горам она смотрела только на свои руки. Когда Канто остановился и сказал ей:

— This is Nanzen-ji[80]. — Она вышла, снова хлоп-

---

[77] Примечания: 77
Я не пойду в храм *(англ.)*.

[78] Примечания: 78
Нет, вы идти *(англ.)*.

[79] Примечания: 79
Пошла к черту *(англ.)*.

[80] Примечания: 80
Это Нандзэн-дзи *(англ.)*.

нув дверцей, сделала несколько разъяренных шагов, споткнулась. Позади нее Канто добавил: — Temple there[81].

Она обернулась и увидела, что он указывает в конец обсаженной деревьями аллеи.

Это было необычное пространство — повсюду храмы, деревья, мох, большие портики с выгнутыми крыльями. Она дошла до огромного портала с двухуровневой крышей, вторым этажом с бумажными перегородками и серым черепичным покрытием. Сквозь него виднелись ветви кленов и вдали большая кадильница, откуда поднимались бледные завитки. Дул ветер, слышался перестук невидимого бамбука, воздух пах дождем. Она поднялась по ступеням, ведущим к проходу через портал — двум большим прямоугольным проемам, опирающимся на гигантские столбы. Переступила на другую сторону с ощущением, что проникла сквозь невидимый занавес, двинулась по аллее, пока не оказалась рядом с бронзовой чашей. Благовоние сгущало мир; пройдя сквозь запахи, она почувствовала, что на ней осталась их печать. Справа пролегала главная аллея, она прошла по ней до входа в

[81] Примечания: 81
Храм там *(англ.)*.

Нандзэн-дзи. За спиной материализовался Канто, заплатил за вход, протянул ей клочок бумаги и исчез. Ее удивила белизна внешних стен, как и полумрак деревянных галерей. Когда через этот сумрачный пролог она снова ступила в свет, что-то стиснуло ей горло. *Я вижу в первый раз.* Она опустилась на пол и осталась сидеть, глядя на прямоугольник песка и зелени. Вокруг разбегались внутренние галереи, за ними — стены под серой черепицей. Прямо перед ней шла полоса серого песка, на который граблями были нанесены параллельные прямые и изогнутые линии. На заднем плане, у внешней стены, разыгрывалась партитура из четырех деревьев на ложе из мха, древних камней и нескольких кустов азалии. Это был самый строгий, самый странно *завершенный* сад, какой ей доводилось видеть, сад, вернувшийся из путешествия по геологическим эрам; тем не менее все в нем было живым — неподвижное движение, подумала она, чистое и вибрирующее, абсолютное присутствие вещей, последний урок мира. Сколько веков потребовалось для этой всеобъемлющей сиюминутности? Она подняла голову и увидела, как накладываются друг на друга песок, мох, деревья, стены, черепица; за ними — деревья, растущие на холме и расположенные,

как скульптуры, и финальным аккордом — их устремленность в небесную тушь; увидела живой дух архитектуры, ее изменчивую и совершенную природу. *Совершенную,* повторила она вслух. Подумала о Поле и почувствовала укол в сердце. Вскоре она двинулась по другим галереям, нашла еще несколько примыкающих садов, вернулась к первой картине, снова забылась в созерцании. Уходила она в изысканном разброде чувств. *Я вернусь*, опять сказала она вслух.

Роза нашла Канто на маленькой парковке; она чувствовала себя обновленной, минеральной. Он запер машину, указал пальцем на улицу внизу, сказал:

— Going to eat now.

— Eat what?[82] — спросила она.

— Тофу, — ответил он.

Она последовала за ним мимо маленьких храмов с крошечными садами и каллиграфическими деревьями. Чуть дальше, свернув налево, они миновали портик и двинулись по проходу, с одной стороны которого росли клены и мох, а с другой сквозь немного мутные окна виднелся большой зал с татами. Им предложили разуться и усадили

---

[82] Примечания: 82
Сейчас идти есть. Есть что? *(англ.)*

на подушки перед столом, на котором стояла газовая плитка.

— Only one menu[83], — сказал шофер.

Она откусила от кубика тофу в зеленном соусе, вкус сои и незнакомой травы удивил ее, она беспричинно рассмеялась; Канто остался невозмутим, им постоянно подливали жареный чай[84], которому она предпочла бы пиво.

— Meet Scott san now[85], — сказал он.

Она вернулась вслед за ним к машине, смотрела на пролетающие улицы, не видя их, вздрогнула, когда он открыл ей дверцу.

— Scott san inside[86], — сказал он, указывая на фасад, скрытый короткими занавесками.

Нандзэн-дзи продолжал свое дело, минеральная пелена обволакивала ее, что-то смещалось, что-то становилось жидкостью. Она зашла в чайный домик через застекленную дверь, спрятанную

---

[83] Примечания: 83

Только одно меню *(англ.)*.

[84] Примечания: 84

Японский жареный зеленый чай (то есть обжаренные листья зеленого чая) — одна из разновидностей его изготавливается из чайных листьев и обжаренного коричневого риса.

[85] Примечания: 85

Сейчас встречаться со Скотт-сан *(англ.)*.

[86] Примечания: 86

Скотт-сан здесь *(англ.)*.

за четырьмя полотнищами коричневой ткани, покрытой иероглифами. Это было старое здание с темными стенами, черепичными крышей и козырьком; внутри — сон дерева и потертых полок со старинными глиняными кувшинами с чаем, повязанными оранжевыми шнурами с длинными помпонами; ее с большим воодушевлением приветствовал ареопаг молодых женщин в светлых блузах, зеленых фартуках и белых платках на голове, повязанных на монашеский манер. Свисающие с потолка перед ней надписи наверняка указывали, какие сорта чая сегодня в продаже. Пространство разграничивала стойка в форме буквы L. За ней большое каллиграфическое полотно отделяло внутреннее помещение, где без устали взвешивали и паковали. Справа в освещенной витрине были выставлены чайные принадлежности, коробочки с чаем и маленький изящный чайник, цена которого показалась ей непомерной. Она вздрогнула, когда с ней заговорили по-английски. Внезапно возникший прямо у нее перед глазами головной платок молодой женщины привел ее в растерянность, и она не поняла, что та ей сказала.

– *Okyakusama*[87] needs help?[88] — повторила женщина.

— О, — сказала Роза, — the tea room, please?[89]

Молодая женщина улыбнулась, кивнула в глубину зала и показала жестом, что нужно повернуть направо. Бет Скотт ждала, погрузившись в чтение и прислонившись спиной к матовой стене песочного цвета. Столики были из того же старого темного дерева, которое накладывало свою патину на весь дом. Более светлые деревянные перегородки с прорезанными вертикальными линиями вносили современную нотку. Любопытным образом сочетание этих сегодняшних примет с чугунным чайником и бамбуковыми принадлежностями за стойкой создавало ощущение растянутости времени, утраченного самозабвения. Окно на одной стороне, подобное окнам ее спальни, выходило на улицу, на другой за стеклами проема открывалась миниатюрная растительная картина с кленом, папоротником и несколькими азалиями.

---

[87] Примечания: 87
Почтенная гостья *(яп.)*.

[88] Примечания: 88
Могу ли помочь? *(англ.)*

[89] Примечания: 89
Где чайная комната, пожалуйста *(англ.)*.

Бет Скотт подняла глаза на Розу.

— А, здравствуйте, здравствуйте, — сказала она, — как я рада вас видеть.

И, пока Роза усаживалась, добавила:

— Готовы к мистическому опыту?

В рассеянном свете зала лицо ее казалось нежным, почти шелковистым.

— Где мы? — спросила Роза.

— В единственном чайном домике города, где подают койчу.

Они посмотрели друг на друга.

— Вы проделали большой путь, — сказала англичанка.

К ним подошла официантка, Бет заказала на японском языке, прозвучавшем для Розы чарующе. Молодая женщина в зеленом фартуке засмеялась, прикрыв рот ладошкой, и удалилась, легко скользя по плашкам пола.

— Я только что из Нандзэн-дзи, — сказала Роза. — Отец заставил меня ходить из храма в храм; полагаю, это и значит «проделать большой путь».

— Нандзэн-дзи не самый красивый из всех, — заметила Бет, — но там у меня возникает желание всплакнуть.

— Говорят, вы просто живете в садах дзен, —

сказала Роза.

— Это Поль вам сказал? — засмеялась та.

Упоминание о Поле заставило Розу покраснеть.

— Как вы познакомились с отцом?

— Я была одной из его клиенток, но потом мы подружились.

— Чем вы занимаетесь в жизни?

— Разными вещами. Я вдова, богата, люблю Киото, провожу здесь девять месяцев в году, больше сказать нечего.

Сказать можно еще многое, подумала Роза.

— Моя мать умерла пять лет назад, — произнесла она. — В тот момент я подумала, что отец свяжется со мной.

— Пять лет назад? — повторила Бет. — Пять лет назад Хару заболел, и болезнь оказалась долгой и тяжелой.

— Все здесь заболевали, — сказала Роза.

— Вы подумали о Кларе? — спросила Бет.

Официантка поставила перед ними продолговатое зеленое пирожное для Бет, круглое и белое для Розы, с бамбуковой палочкой вместо вилки. Тарелка Розы была коричневой с серыми разводами.

— Поешьте, — сказала Бет. — Лучше не на пу-

стой желудок.

Роза неловко взялась за палочку, смущенная рыхлой текстурой выпечки. Внутри оказалось красное тесто, сладкое во рту и особенно изысканное по контрасту с безвкусной мягкостью оболочки.

— Какая она была? — спросила она.

— Клара? Забавная, прагматичная, простая. Поль — существо закрытое, сложное. Она была его окошком в земную жизнь. Вместе они много смеялись. Она по-настоящему любила его.

Роза положила палочку.

— Последние десять лет Поль посвятил уходу за больными. Он жил только ради них, ради своей дочери и ради работы.

— После смерти Клары в его жизни не было женщины?

— Были женщины, но я бы не сказала, что в его жизни.

— Женщины в Токио? — спросила Роза и тут же пожалела о вопросе.

Бет ответила своим ровным тоном:

— Они не имеют значения.

Я сама выставляю себя на посмешище, раздраженно подумала Роза.

— Похороны Клары были самыми печальными

из всех, на которых мне доводилось присутствовать, — продолжила Бет. — Анне было два года, и Поль держался только благодаря ей. Не будь ее, я думаю, он умер бы. Он горел в аду, а мы были рядом, горюющие и беспомощные.

Розу пронзила догадка.

— Почему он хромает? — спросила она.

— Пусть сам вам расскажет, — ответила англичанка.

Официантка принесла две пиалы на подносе, который опустила на соседний столик. Она повертела первую пиалу в ладони, поставила ее перед Бет, поклонилась. Приятного светло-коричневого цвета пиала была украшена изящно выписанным белым кроликом. Пиала понравилась Розе, но ее потрясла вторая — своей неправильностью, серыми кракелюрами на светлой глазури, своей искаженной строгостью, дерзостью беспорядочных царапин.

— Этой техникой обжига с кракелюрами мы обязаны Северному Суну. Разве не чудесно? Из величайшей простоты совершенно непредсказуемо рождается сложность.

На дне пиал находилась ярко-зеленая, почти светящаяся масса. Роза наклонила свою направо, потом налево. Масса едва колыхнулась.

— Это пьют? — спросила она.

Бет кивнула. Роза понюхала вещество, и в памяти всплыл чай Кото-ин, его исходящая из ничего сила, его всепоглощающая мощь; она глотнула, как бросаются в холодную воду. Горечь скрутила желудок, и сразу затем во рту появился вкус кресс-салата, какого-то овоща, луга. *Мне это нравится?* — спросила себя она. Мир приобрел особую остроту. В горле проходили волны огромных зеленых пространств.

— Это первый концентрированный матча чайной церемонии, — сказала Бет. — Сейчас подадут второй, более легкий: в то, что осталось на стенках, добавят воды.

Роза слизнула как могла то, что оставалось от чайной массы. Нечто возвращало ее в Нандзэндзи, к плотности времени, к утраченной простоте. Официантка пришла забрать пиалы, Розе больше не хотелось пирожного, только горечи, которая превратилась в клинок и позволяла вернуться в забытую долину.

— Сегодня ночью мне приснился большой храм, а перед ним сад сливовых деревьев, — сказала она.

— Это мог быть Китано Тэнмангу, — сказала Бет, — на улице Имадэгава, в западной части

Киото. В феврале все идут туда полюбоваться на цветы.

Она указала на свою пиалу.

— В конце шестнадцатого века там провели одну из самых больших чайных церемоний, когда-либо устроенных императором, с тремя основателями Пути Чая, одним из которых был Сэн-но Рикю. Говорят, в ней приняли участие тысячи человек.

Неожиданно Роза подумала о Поле. Она потрясла головой и попыталась сменить тему.

— У вас есть дети? — спросила она.

Бет проигнорировала вопрос.

— Известие о вашем существовании вызвало настоящий шок, — сказала она. — Только представьте себе: половина Киото в Куродани и Поль читает письмо Хару.

— Письмо? — сказала Роза.

Молчание.

— Полагаю, его передаст вам нотариус, — наконец сказала Бет.

— Все решается без меня, — пробормотала Роза.

Бет засмеялась:

— Такова жизнь.

Им принесли второй чай, с тем же вкусом, что в

Кото-ин, но намного более тонким, Роза уловила в нем запахи леса, потревоженного подлеска.

— Что вам понравилось в Нандзэн-дзи? — спросила Бет.

Роза попыталась подобрать слова.

— Его прозрачность, его неподвижная, первичная текучесть.

Бет опять засмеялась, одобрительным, немного удивленным смехом.

— А вы с Полем похожи, — сказала она.

— Не вижу в чем, — сказала Роза.

— Внутренние моря. Вы плаваете по ним.

Она задумчиво склонила голову.

— Хару это понравилось бы, — добавила она.

Она так и не прикоснулась к своему пирожному.

— Вы не хотите доесть? — спросила она Розу.

Роза отрицательно покачала головой, Бет улыбнулась.

— Мне уже пора уходить, — сказала она, — но в следующий раз я отведу вас в другой чайный домик, и думаю, вам там тоже понравится.

Они распрощались снаружи, на тротуаре. В доме Хару Роза улеглась на футон в непереносимом напряжении. Или это неутоленная потребность? — спросила она себя. Вчерашний ирис

заменили на розовую камелию, и Розу поразило ее созвучие с Нандзэн-дзи. Все связано, подумала она, вот только я не часть этого «всего». Она снова увидела застывшие и движущиеся камни, серый разлинованный песок, деревья в обрамлении мха; каждая картина напоминала об отсутствии Поля; не зная почему, она чувствовала, как скользит по ледяному полю, в минеральной ипостаси жидкости. Проведя час в этой аморфной праздности, она встала, вышла в коридор, остановилась там, замерев и насторожившись. Наконец свернула налево и, дойдя до перегородок из темного дерева, сдвинула наугад одну из дверей. Зашла в прохладную пустую комнату. На татами вразброс стояли чайные пиалы, несколько глиняных и лаковых сосудов, рядом — маленькая бамбуковая взбивалка. Прямо на полу — жаровня, над ней — чугунный чайник; в алькове свиток с изображением трех фиалок, склонившихся к ледяной земле; под ним в бронзовой вазе стебель бамбука с резкими изломами. В проеме, выходящем на сад азалий, она увидела, как угасающий день окрашивает перламутром листья растений. Комната была пуста и тиха — однако Роза ощущала там чье-то *существование*, присутствие внимательного и безгласного призрака. Она подошла

к коричневой пиале с неровными краями, попыталась представить себе в этой комнате отца, перебирающего чайные принадлежности, пьющего из неброских и прекрасных пиал. Рядом с бамбуковой взбивалкой лежал кем-то забытый блестящий платок; красивого темно-фиолетового цвета, он растекался томными складками; казалось, он выпал из невидимой руки, и на мгновение Розе почудился склонившийся силуэт, он медленно двигался, и его жесты были исполнены изящества и силы. Она подошла к свитку в алькове. Под цветами каллиграф вывел знаки в форме стихотворения. Некоторые, расположенные справа вверху, превращались в устремленных к небу птиц; от замерзшей земли поднималась легкая дымка; фиалки *жили*. Шум снаружи вырвал ее из задумчивости. Она вышла и задвинула за собой дверь, охваченная странным благоговением.

В комнате с кленом она обнаружила Сайоко, сидящую за низким столиком с разложенными перед ней бумагами и очками на носу.

— I'd like to go to Kitsune for dinner[90], — сказала Роза.

---

[90] Примечания: 90

Мне бы хотелось поехать пообедать в «Кицунэ» *(англ.)*.

— Now?[91] — спросила Сайоко.

Роза кивнула. Японка достала телефон, позвонила кому-то, отсоединилась.

— Kanto san coming in ten minutes[92].

— Thank you[93], — сказала Роза. И добавила, повинуясь порыву: — I need to write a letter[94].

Сайоко встала, подошла к маленькому секретеру, достала листок бумаги и конверт. Роза села рядом с ней, взяла ручку, которую та ей протянула, затерялась в беспорядочных мыслях. Потом написала: *Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне об отце*. И, затаив дыхание, добавила: *Мне вас не хватает*. Быстро сложила листок, запечатала конверт, отдала его Сайоко, сказав: «For Paul»[95], и, ужаснувшись, убежала в сад.

---

[91] Примечания: 91
Сейчас? *(англ.)*

[92] Примечания: 92
Канто здесь через десять минут *(англ.)*.

[93] Примечания: 93
Спасибо *(англ.)*.

[94] Примечания: 94
Мне нужно написать письмо *(англ.)*.

[95] Примечания: 95
Для Поля *(англ.)*.

8

В Китае времен Северного Суна, когда поэзия, живопись и каллиграфия были единым целым, таящимся, точно сокровища, в грезах древних мудрецов, с особой любовью относились к изображению и описанию в стихах цветов. А у одного из величайших художников-пейзажистов той эпохи была маленькая дочь, которая каждый день просила его нарисовать камелию. Целое десятилетие она требовала свой цветок. В пятнадцать лет она умерла от скоротечной болезни. На рассвете Фан Куань нарисовал камелию, омытую его слезами, и каллиграфически вывел стихотворение об улетевших лепестках. Завершив и посмотрев на еще влажный свиток, он с ужасом увидел, что это самое прекрасное его произведение.

Камелия, омытая его слезами

Когда они подъехали к красному фонарю «Кицунэ», она не поняла, с чего ей вздумалось сюда прийти. Канто уселся за барную стойку, она устроилась напротив, за столом на шесть персон. Якитория была пуста. Повар вышел к ней.

— Same as last time but beer only[96], — сказала она.

Он вернулся к своей плите, не выказав никаких эмоций. Она залпом выпила первый бокал пива, огляделась. Заметила новые детали. На стойке перед бутылками с саке стоял старый телефон с вращающимся диском; металлические рекламные вывески кое-где были тщательно подцвечены ржавчиной; некоторые афиши с мангами были разорваны. Что за человек был Хару, если он любил это место? — задумалась она. Волна горечи заставила ее заказать еще пива. Она чувствовала себя одинокой, слепой, корила за избыток сентиментальности и за то, что питала надежду. Но надежду на что? — подумала она, заказывая третий бокал. Канто сидел к ней спиной, мирно беседуя с поваром, она ощущала его уважительную бдительность, и ее это раздражало. Подспудное воздействие смерти и камней, написанное ею письмо Полю — все сейчас казалось нелепым. С тем же горьким чувством она жевала свои шашлычки. Когда она потребовала четвертый бокал, то увидела, как повар бросил взгляд на Канто. Шофер едва заметно махнул ру-

---

[96] Примечания: 96
Как в прошлый раз, но только пиво *(англ.)*.

кой, что означало: я справлюсь, и ее это уязвило. Потом, когда она захотела встать, он подошел и приобнял ее за плечи. Она не воспротивилась и позволила отвести себя к машине. В саду у дома она дала понять, что дальше пойдет одна, и он не настаивал. Она оказалась в темной комнате с кленом; тот тихо покачивал тяжелыми ночными ветвями; деревья Нандзэн-дзи царапнули память болезненной отточенностью линий. Она пошла в свою спальню, разделась. Обнаженная, взвинченная, она посмотрела в окно, провела рукой по лбу, заметила положенный на футон бумажный квадратик. Встав на колени, впотьмах разобрала записку. *Paul san coming tomorrow at 7:30, I wake you at 7:00, Sayoko*[97].

Она рухнула на татами, раскинув руки крестом. Звездная россыпь сверкала сквозь облака; от реки доносились странные монотонные звуки; она долго неподвижно лежала без сна. Чуть позже она, продрогнув, проснулась, улеглась на футон, завернулась в легкую простыню. Ночь сияла, она ощущала присутствие тайных духов, жизнь сумерек, пронизанную вздохами, вспомнила, как приехала в этот дом, увидела обрызганные светом

---

[97] Примечания: 97

Поль-сан приходить завтра в 7:30, я будить вас в 7:00, Сайоко *(англ.)*.

цветы магнолии, уже тогда ощутила присутствие духов. Все неизменно и все переменчиво, подумала она. Венчик разрастался, и она почувствовала, как ее охватывает ужас. И погрузилась в сон без сновидений. Ее разбудили три коротких стука в дверь, она мгновенно проснулась. Вскочила, увидела, что уже рассвело. У нее болела голова.

— It's seven o-clock[98], — сказал голос Сайоко из-за двери.

— I am getting ready[99], — пробормотала Роза.

Она взяла мыло, чтобы помыть голову, так и не сумела уложить волосы, натянула измятое платье, сменила его на юбку с блузкой, которые совсем не сочетались. В зеркале показалась себе каким-то недоделанным существом. Накрасила губы помадой, торопливо сняла ее ваткой, отправилась в комнату с кленом. Увидев ее, Поль и Сайоко расхохотались. Она в растерянности застыла.

— В чем дело? — спросила она.

Сайоко сделала к ней три шажка, достала платок из своего лазурного оби и вытерла ей щеку. Роза встретила ее взгляд и прочла в нем сдер-

---

[98] Примечания: 98
Семь часов *(англ.)*.

[99] Примечания: 99
Я собираюсь *(англ.)*.

жанное сочувствие. Японка отступила на шаг, оценила плоды своих усилий, снова засмеялась, указывая на ее блузку.

— Вы надели ее наизнанку, — сказал Поль. — Так и было задумано? Вместе с помадой на щеке?

Он улыбался ей. У него был усталый вид, но в глазах смех. Про себя она отметила, что он высокий и светлокожий — высокий и усталый, сказала она себе, я его выматываю.

— У меня есть время переодеться? — спросила она.

— Было бы жаль, вы и так уже озарили мой хмурый день.

— У меня очень болит голова, — сказала она.

Он бросил несколько слов Сайоко, та знаком предложила Розе пойти за ней на кухню. Там она усадила ее, как ребенка, протянула стакан воды и белую таблетку, которую Роза послушно проглотила.

— Rose san eat something?[100] — спросила она.

Роза отказалась, вывернула блузку на правильную сторону, надела и проследовала за Полем в прихожую. Они прошли через сад. Перед калиткой она обернулась и увидела, как кланяется

---

[100] Примечания: 100
Роза-сан что-нибудь кушать? *(англ.)*

Сайоко. Наконец японка слегка махнула им рукой. Роза опустила голову и села в машину.

— Простите за столь ранний подъем, — сказал Поль, — но мы должны попасть в храм к открытию. Потом будет слишком много народа.

— Я думала, вы сегодня останетесь в Токио, — сказала она.

— Я вернулся рано утром. После ужина заехал в квартиру, принял душ и успел на четырехчасовой синкансэн[101].

— У вас есть квартира в Токио?

— Это квартира Хару.

— Вы не спали?

— Нет, — сказал он, — я ужинал с клиентами. Это был долгий ужин.

Он засмеялся.

— Никакая серьезная сделка в Японии не обходится без долгого ужина и большого количества саке.

Она спросила себя, получил ли он ее письмо, представила его на вокзальном перроне, погруженного в свои мысли, где не было места для нее. Он сидел совсем близко, и это волновало ее;

---

[101] Примечания: 101

Синкансэн — высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны.

она вспомнила, как позавчера взяла его за руку; мысль ее ужаснула. Он ничего не говорил, глядя на мелькающие улицы. Машина остановилась на паркинге, уже заставленном тремя туристическими автобусами. Она пошла за ним по обсаженному деревьями проходу, вдоль которого теснились какие-то магазинчики, подождала у касс храма, потом двинулась следом по тропе, идущей вдоль берега большого пруда с кувшинками, который показался ей раздражающе живописным, — приманка для туристов, сказала она себе, а потом подумала: я просто корзина с бельем, которую таскают от прачечной к прачечной. Они свернули в сторону от пруда, поднялись по каменным ступеням под аркой беспечных кленов, оказались перед входом в храм, разулись, двинулись налево вслед за другими посетителями и попали в сад.

— Рёан-дзи, — сказал Поль.

Она посмотрела на большой прямоугольник из камней и песка и не почувствовала ничего. Потом — как звук взрыва приходит после вспышки — у нее подогнулись ноги, и она осела на деревянную галерею, раздавленная грузом *материи*. С наружной стороны сада на окружающие его стены водопадом струились ветви кленов и вишен. Еще

дальше листва сплеталась в плотный буйный покров. Внутри был только песок с нанесенными на него параллельными линиями и семь камней разного размера, вокруг которых граблями были выписаны овалы, — но Роза смотрела только на стены, увенчанные наклонной крышей из серой коньковой черепицы с уложенной сверху корой. Охряные, переливчатые и покрытые патиной, как итальянский дворец, стены перекликались с золотом мха, окружавшего камни.

清長画

— Стены всегда были такого цвета? — спросила она.

— Нет, — ответил Поль, — думаю, изначально они были белыми.

— Они основа сада, — сказала она.

У него сделался удивленный вид.

— Камни расположены так, чтобы их невозможно было окинуть одним взглядом, — сказал он.

Она попыталась сосредоточиться на скале и песке, но рассудок изменил направление ее взгляда, вернув его к фреске стен.

— Существует целая библиотека толкований Рёан-дзи, — добавил он.

— Вы все их прочли?

— Частично, для работы.

— И что-нибудь из них вынесли?

— А вы что-нибудь вынесли из чтения ваших книг по ботанике? — спросил он.

Вопрос ей не понравился.

— Полагаю, что да, — сказала она.

Однако я не смотрю на цветы, подумала она. Вернулась к *материи*, ища в ней поддержки.

— Хару был жестким в делах и верным в дружбе, — сказал Поль.

Он получил мою записку, подумала она. Что-то в ней покачнулось, субстанция стен поглотила

ее.

— Когда мы познакомились, он сказал: у меня полно вкуса, но нет никакого таланта. С годами я понял, что в этом его сила: он в точности знал, кто он.

Она попыталась сосредоточиться на овалах вокруг трех ближайших камней, но внимание рассеивалось.

— Это и привлекало к нему стольких людей.

Взгляд Розы возвращался к золоту стен.

— Он был японцем в своих привычках, но совершенно нетипичным в своих мыслях. Думаю, ему нравилось мое общество, потому что он нуждался в чужестранном ухе для выслушивания своих еретических воззрений.

— Воззрений на что?

— На женщин, например. Среди японок феминизм не привился, но Хару на свой лад был феминистом. Он не устраивал чисто мужских вечеринок. В его доме женщины участвовали в беседах.

— Именно поэтому он делал детей заезжим иностранкам? — спросила она и, почувствовав, как по-ребячески это прозвучало, прикусила губу.

Он воздержался от комментариев.

— Самой прекрасной чертой его характера было

умение отдавать. Большинство людей дают, чтобы что-то получить в ответ, или по обязанности, или в силу условностей, или автоматически. Но Хару отдавал, потому что понял смысл дарения.

На нее повеяло опасностью, она сосредоточилась на стене, но взгляд внезапно переместился на камень. Почти скрытый в песке, самый маленький из всех, он плыл в необъятном море.

— Когда Кларе стало совсем плохо, в последние месяцы, мы с ним разговаривали вечера напролет. Я приходил к нему в кабинет, мы пили саке, он выслушивал меня и говорил сам. У меня никогда не возникало ощущения, что он принуждал себя. Не знаю, случалось ли когда-нибудь двум людям достигать такого единодушия.

Он замолчал, она поняла, что ему не хочется продолжать. За их спиной пол галереи задрожал под топотом толпы шумных китайцев.

— Рёан-дзи не произвел на вас впечатления? — спросил он.

— Похож на гигантский лоток для кошек, — сказала она.

Он расхохотался и на мгновение преобразился. Таким Поль был когда-то, подумала она, до того, как его убила смерть другого человека. Оба замолчали. От одинокого камня, пленившего ее

взгляд, Роза перешла к другим, следуя письменам скалы и песка; и сама картина преображалась; она оглядела стены и не увидела в них того, что, как ей казалось, видела раньше. Вернулась к безводью песчаного прямоугольника, уловила вибрацию во *времени* — времени родиться, времени страдать, времени умирать, сказала она себе. Посмотрела на Поля. Он прикрыл глаза, она вспомнила о его слезах на кладбище. Ощущение опасности нарастало, но одновременно — и чувство дружеского присутствия, трепета надежды. И тогда, глядя на стены, за прошедшие века ставшие охряными, она поняла, что они стоят только благодаря силе сада, что его минеральность, не нарушаемая ни единым цветком, претворяет время в вечность; поняла, что эта метаморфоза истекающих часов отныне изменит значение любого поступка; и наконец, по непонятной причине в памяти всплыл прощальный жест Сайоко в том маленьком саду — одиночество камней, затерянных в песке, несло в себе дар. *Какой дар?* — спросила себя она, не отводя от них взгляда. *Что могут дать сушь и обнаженность?* Она позволила партитуре семи камней увлечь свой разум, снова почувствовала, как они погружают ее в море, не имеющее возраста, и как сад

одаривает самим своим существованием.

Поль встал, и она пошла за ним, сосредоточенно вглядываясь в его неровную текучую походку. В машине она заметила, что он устал.

— Что сейчас? — спросила она.

— Отвезу вас к Хару.

— Мы не пообедаем вместе?

— Я должен забрать Анну, она приехала вчера вечером, — сказал он.

— Вы вернулись из-за Анны? — спросила она.

Казалось, он не услышал вопроса.

— И из-за последних храмов перед походом к нотариусу, конечно же, — добавила она.

— Я вернулся из-за вас, — сказал он, — соскучился по своей профессиональной зануде.

Он склонился к Канто, что-то сказал ему, шофер кивнул, позвонил куда-то и коротко переговорил по-японски. Поездка оказалась долгой и прошла в молчании, заставившем ее почувствовать себя слабой и уязвимой. В центре города они вышли из машины на большой улице с аркадами. Поль нырнул в подъезд, поднялся на второй этаж. Она чувствовала его усталость, его боль в бедре. Он толкнул дверь, и они оказались в ультрасовременном помещении с белыми столами и ярко-зелеными стульями. За стойкой висели

большие плакаты с изображением вафель в изобилии различных причудливых топпингов. Он с облегчением опустился на стул, она устроилась напротив.

— Вафли? — спросила она.

— Не забывайте, я же бельгиец, — сказал он.

У нее за спиной открылась дверь. Он улыбнулся и встал, обретя всю прежнюю энергию. Обернувшись, Роза увидела бегущую в ним темноволосую загорелую девочку. Та чуть приостановилась, увидев ее, потом бросилась в объятия отца. С ней была японка лет сорока, которая робко подошла следом за ребенком. Поль поздоровался с ней, обняв дочь за плечи, и они со смехом обменялись несколькими словами. При их появлении Роза поднялась со стула. Лицо Анны зачаровало ее.

— Анна, это Роза, — сказал Поль.

Девочка серьезно посмотрела на нее, подошла, привстала на цыпочки и поцеловала в щеку.

— Ты дочка Хару? — спросила она.

— Похоже на то, — ответила Роза.

Поджав губы и нахмурившись, Анна пристально разглядывала ее.

— Роза, позвольте представить вам Мегуми, — сказал Поль, — маму Йоко, подружки Анны.

Японка с улыбкой поклонилась, неуверенно

произнесла несколько слов.

— Она приветствует вас в Киото. И спрашивает, сколько времени вы рассчитываете здесь пробыть.

— Не знаю, — сказала Роза, — я делаю, что мне говорят.

И снова острый взгляд Анны. Поль перевел что-то, вроде бы удовлетворившее Мегуми; та поклонилась, прощаясь; у двери она оглянулась и сделала тот же жест, что Сайоко. Официантка подошла принять заказ, Анна защебетала, Поль с улыбкой слушал ее. Принесли вафли, девочка накинулась на свою порцию, Роза осторожно рассматривала сооружение из выпечки, зеленого соуса и красных зерен.

— Ты не любишь вафли? — спросила Анна с полным ртом.

— Эта марсианская подлива не внушает мне доверия, — ответила Роза.

Девочка рассмеялась, взглянула на отца. Розу поразило, что она такая темноволосая и смуглая, а он светлокожий блондин, и при этом маленькая и хрупкая, с тонкими чертами лица, немного вздернутым носиком и черными блестящими зрачками. Наверняка вылитая мать, подумала она. Между двумя жадными глотка-

ми Анна рассказывала о каникулах, смеялась, иногда поглядывая на Розу; тогда та ощущала ее настороженность, ее терпение внимательной наблюдательницы; я была такой же, вспомнила она. Анна упросила Поля заказать еще порцию вафель, призвала Розу на подмогу, сверкнула победным взором, когда он уступил. Потом внезапно посерьезнела.

— Где ты живешь? — спросила она.

— В Париже, — ответила Роза, — но у меня еще есть дом в Турене.

— Где это?

— Ближе к югу.

— А там рассказывают всякие истории?

— Истории?

— Истории про фей и домовых, которые там живут?

Девочка смотрела ей в глаза. Хочу ли я этого? — спросила себя Роза. Она глянула на Поля. На лбу у него пролегла морщина, он явно встревожился. Анна ждала.

— Да, — сказала она в конце концов, — моя бабушка знала их все, особенно про озорных бесенят.

— Ты мне расскажешь? — спросила Анна.

Сердце Розы словно вырвали из груди, как

сорную траву — из грядки; на мгновение она повисла между двумя мирами; потом камни Рёан-дзи вступили в хоровод — со своей наготой, минеральным одиночеством, неоспоримостью безмолвного послания; с очевидностью того, что обнажение несет дары. Что-то в ней обратилось в острую боль.

— Я их все тебе расскажу.

Анна улыбнулась ей. Я бабочка, которую живьем насаживают на булавку, подумала Роза. Поль встал, пошел расплатиться. Она почувствовала, что ему стало легче. У входа в здание их ждал Канто.

— А теперь отдыхайте, — сказал ей Поль, — я должен отвезти Анну к дантисту, а потом у меня клиенты, которых я пригласил на ужин. Я приеду за вами завтра утром, Канто сегодня в вашем распоряжении.

— А вы? — спросила она.

— Я живу совсем рядом, — сказал он, указывая на здания в центре. — Куда вы хотите поехать?

— Сначала домой, чтобы переодеться.

Он сказал несколько слов Канто, она села в машину, Анна наклонилась и снова поцеловала ее в щеку. Роза встретила взгляд Поля и заметила тень печали. Ей хотелось бы взять его за руку,

удержать, притянуть к себе. Он захлопнул дверцу. Пока машина отъезжала, Анна энергично махала рукой, Роза в ответ сделала тот же жест, что Сайоко. Когда они приехали в дом Хару, она пошла к себе в спальню, рухнула на футон и пролежала так до середины дня. Розовая камелия испускала легкие меланхоличные всполохи, Роза забылась, разглядывая цветок, а что-то внутри ее беспрестанно пульсировало, не давая покоя.

Позже она переоделась, отправилась в пустую комнату с кленом, постучала в дверь кухни и зашла. Сайоко и молодая женщина, уборщица, пили чай. Ей приготовили кофе и пиалу с рисом, она ждала, сидя на татами. Женщины оживленно болтали, Роза слушала их с облегчением оттого, что не нужно разговаривать, и счастливая тем, что не понимает. Она выпила кофе, съела рис, собралась уходить. Сайоко сделала ей знак подождать, порылась в своей сумке, стоящей на стеллаже, вытащила оттуда телефон и вручила ей.

— Code zero zero zero zero[102], — сказала она. — Number one is Paul san, number two is Sayoko,

---

[102] Примечания: 102
Код ноль-ноль-ноль-ноль *(англ.)*.

number three is Kanto san[103].

Роза взяла телефон, вернулась к себе в спальню, снова легла. Мир потемнел в струях сильного ливня, камелия сияла вспышками в мерцании дождя. Через некоторое время она вышла и в коридоре, повинуясь порыву, раздвинула дверь в комнату напротив чайной. И оказалась в помещении с устланным татами полом и окнами на реку. Из мебели там стояла только функциональная медицинская кровать, раскинувшаяся в пространстве, как паук; на стене окна — большая абстрактная картина; на лаковой прикроватной тумбочке — черная ваза. В свете дождя сцена казалась подвижной, зыбкой. Белесому пятну матраса противостояла живая сила живописи, огромное карминное пятно, утонувшее в однородной непроглядности черной туши. И хотя пятно не имело ни черт, ни контура, Роза была уверена, что оно изображает цветок — камелию, лотос, может, розу. Это здесь он умер? — подумала она и, подойдя, протянула руку к голому матрасу. Затаила дыхание, заколебалась, отступила. Неопределимый запах витал над всей сценой — смесь кедра, аниса и фиалок. Казалось,

[103] Примечания: 103

Цифра один — это Поль-сан, цифра два — это Сайоко, цифра три — это Канто-сан *(англ.)*.

в комнате сгущаются тени, и в какой-то момент ей почудилось, будто она ощутила дыхание на затылке. Ее потрясала беспощадность металлической кровати, в то время как другое чувство прокладывало дорогу внутри. Внезапно ее пронзила очевидность того, что аура *живет*, несмотря на всю силу смерти. Она вспомнила об Анне, о ее блестящих глазах, об озорных бесенятах, о том жесте, который она послала девочке из отъезжающей машины. И тогда она снова увидела сад камней и песка, окруженный золотой стеной, и подумала: стены ничто без сада, а время людей — без вечности дара.

9

Рассказывают, будто Сэн-но Рикю [104]однажды утром омывал чистой водой камни дороги, которая вела к его чайному домику, когда из-за растущих рядом деревьев появилась молодая лисица и остановилась под листьями высокого небесного бамбука. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга, потом лисичка осторожно оторвала веточку бамбука, подошла и положила ее на один из плоских камней, по которым будут вечером ступать гости церемонии. Когда юный ученик удивился, почему мастер оставил веточку на месте, на пути гостей, Сэн-но Рикю сказал ему: *лисица и бамбук учат кружному пути.*

Бамбук учит кружному пути

В три часа Роза решила выйти в город. В комнате с кленом она нашла Сайоко, которая составляла букет из веток магнолии. Роза дала понять, что уходит. Японка отвлеклась от цветов, взяла с

---

[104] Примечания: 104

Сэн-но Рикю (1522–1591) — известный японский чайный мастер, завершивший формирование классической японской чайной церемонии.

низкого столика небольшой, вышитый розовыми облачками кошелек и вручила ей со словами:

— Money for stroll[105].

Роза знаком поблагодарила, Сайоко улыбнулась, и Роза нерешительно улыбнулась в ответ. Когда она уже повернулась, чтобы уйти, японка достала из пояса фотографию и протянула ей. Удивленная Роза взяла. На фотографии были Сайоко и три другие женщины с такими же нежными лицами; единственное различие — цвет и стрижка их черных или седеющих волос; у всех была перламутровая кожа, четкий овал лица; они смеялись, сидя на татами на фоне горного пейзажа.

— My sisters[106], — сказала Сайоко.

Роза обомлела. Снимок был мятый, она представила себе, как часто Сайоко на него смотрела. С любопытством вгляделась в черты сестер. Женщины долга, подумала она, но у них живой смех.

— You need one[107], — добавила японка.

Роза покачала головой, вернула фотографию. В

---

[105] Примечания: 105
Деньги на прогулку *(англ.)*.

[106] Примечания: 106
Мои сестры *(англ.)*.

[107] Примечания: 107
Вам тоже нужно *(англ.)*.

прихожей взяла зонтик. Дождь время от времени превращался в ливень, но небо уже прояснялось, и в просветах между тучами виднелось солнце. Она спустилась к реке; по берегам то тут, то там стояли неподвижные цапли. Она дошла до моста, где была на второй день, свернула налево перед входом в крытую галерею. Немного погуляла под аркадами улицы, где они ели вафли. Справа открылась автоматическая дверь, и оттуда вырвался невероятный грохот. Зайдя в зал, ярко освещенный неоном, она не поняла, что перед ней. Перед разноцветными игральными автоматами сидели мужчины и женщины с пустыми глазами. Шум стоял невероятный, уродство царило редкостное; ад, причем настоящий, подумала она, антимир Хару. Абсурдность этой больной и безумной Японии обратила ее в бегство, она вернулась к крытой галерее, свернула направо к большой улице, перешла ее и двинулась дальше на север. Через несколько метров улица переменилась, стала намного приятнее, по обеим сторонам выстроились изысканные бутики. Роза зашла в один из них, полюбовалась выставленной на деревянных полках посудой, похожей на чашки ее отца, решила, что все просто изумительно. Подойдя к глубокому белому блюду

с вкрапленными рисовыми зернышками, чьи неровности не сразу бросались в глаза, она увидела рядом фотографию мужчины перед гончарным кругом. Спросила себя, не был ли он одним из художников, с которыми работал Хару, прикинула цену блюда и решила, что оно недостаточно дорогое. Вышла, двинулась дальше по улице, рассматривая в витринах кисточки, бумагу, лаки. Она чувствовала себя неприкаянной, лишней; Киото не ждал и не знал ее, она бродила наугад, бесполезная и жалкая. Она подумала о Сайоко, о четырех сестрах, их улыбающихся лицах — пленницы, но светлые, сказала себе она и ощутила еще бóльшую инородность. Вскоре справа она увидела чайный домик, узнав его по полотнищам ткани с летящими иероглифами. Все, что в центре города казалось ей раньше некрасивым, теперь трогало ее; маленькие здания, мирные улочки, изящные бутики; она видела в них преемственную связь с восхитительными садами. В памяти всплыли слова Бет Скотт: *сады, куда боги заходят выпить чаю*. Скорее, это страна озорных бесенят, подумала она: здесь даже в самом сердце высшей красоты с тобой рядом ребенок, которым ты был.

Она зашла в чайный домик, ее отвели к столику в другой стороне зала. Она сделала заказ по-ан-

глийски, увидела, как улыбнулась официантка в зеленом фартуке.

— Which koicha?[108] — спросила молодая женщина.

Роза смешалась. Ей показали меню, там таких было два, она выбрала тот чай, что дешевле. Первый густой глоток мгновенно напомнил о Поле, о его отсутствии, о его неизбывной грусти. Мысль, что придется ждать до завтра, чтобы снова увидеть его, показалась невыносимой. Я корзина с грязным бельем, оставленная на пустом прилавке, снова сказала она себе. Выпила второй глоток койчи, и перед ее мысленным взором возникло лицо Анны — внимательные глаза, жадно ждущие историй про домовых, мысль, что ее черты не схожи с чертами отца, что она пошла в мать. Роза допила пиалу, дождалась следующую, быстро проглотила ее, ободренная горечью легкого чая. Взяла телефон, немного запуталась в кнопках, нашла контакты, нажала на номер три, подождала. Услышав голос Канто, сказала:

— I am at the tea house, can you come?

— Ten minutes[109], — ответил он. Она расплати-

---

[108] Примечания: 108
Который из койча? *(англ.)*

[109] Примечания: 109
Я в чайном домике, можете приехать? Через десять минут *(англ.)*.

лась и вышла подождать на тротуаре. Дождя уже не было, воздух пах гудроном.

Канто приехал. В машине обернулся к ней.

— Can we go to Nanzen-ji?[110] — спросила она.

— Closed now[111], — ответил он.

Роза посмотрела на телефон. Было шесть часов.

— Home then[112], — сказала она.

В пустой комнате с кленом ей захотелось лечь и заснуть под листьями. Она вздрогнула, когда зазвонил телефон. Откинула крышку, увидела на экране надпись: *Поль*. С забившимся сердцем нажала на соединение.

— Вы не слишком устали, чтобы выпить саке после ужина? — услышала она его голос.

— Нет, не слишком, — ответила она.

— Вы будете в городе?

— Я буду у Хару.

— Я заеду за вами, как только закончу с клиентами.

---

[110] Примечания: 110
Поедем в Нандзэн-дзи? *(англ.)*

[111] Примечания: 111
Сейчас закрыто *(англ.)*.

[112] Примечания: 112
Тогда домой *(англ.)*.

Она пошла к себе в спальню, приняла ванну, надела платье в цветочек, заколола волосы, подняв их кверху, сдержала порыв смыть косметику, вернулась в большую гостиную. Клен чуть покачивался. Она прилегла на низкую софу и отдалась приятной иллюзии легкой качки. Вскоре она задремала. В глубине ее смутных сновидений витала фея с лицом Анны; выписав несколько изящных пируэтов в небе, та присела ей на плечо и тихо проговорила ее имя. Она проснулась и, открыв глаза, увидела склонившегося над ней Поля. Вскочила в растерянности. Он ласково смотрел на нее и вдруг рассмеялся.

— У вас нелады с помадой, — сказал он.

Она провела ладонью по щеке, он снова засмеялся.

— Может, лучше воспользоваться зеркалом? — предложил он.

Она отправилась в ванную, увидела, что справа в уголке губ помада потекла. Я пускала слюни, с ужасом подумала она. Смыла косметику, сделала шаг к двери, передумала, опять подкрасила губы, заново причесалась. Когда вернулась к нему, по его взгляду поняла, что кажется ему красивой. Пошла вслед за ним к машине во влажном воздухе, под затянутой туманами луной. Кто-то

позвонил ему, разговор по-японски затянулся; она различила в его голосе усталость, почувствовала скованность и напряженность в его теле. Он нажал «отбой», она не выдержала молчания и заерзала на сиденье.

— Вы никогда не думали вернуться в Бельгию? — спросила она.

Он посмотрел на нее. В полутьме машины его лицо было серьезным, морщина на лбу стала четче. Бледность кожи превращалась в маску.

— В Бельгию?

Его телефон снова зазвонил, он не стал отвечать.

— Все, чего я хотел, приехав в Японию, — это жить в Киото и постоянно соприкасаться с определенным видом искусства и культуры. Хару дал мне такую возможность. Смерть окончательно привязала меня к этим местам.

Она хотела сменить тему, сказать: вы не спали два дня и наверняка измотаны, но машина уже остановилась на улице в центре города. Они вышли, поднялись по ступенькам к незаметной двери без надписей и оказались в большом темном зале, освещенном кое-где мерцающими конусами. Вдоль левой стены высились стебли небесного бамбука на полосе серой гальки.

Справа за стойкой перед нишами с саке, подсвеченными, как часовни, пили посетители. Их приход был встречен радостными криками; сидящие за столом в глубине зала пятеро мужчин замахали им, и одного из них Роза узнала.

— Пьянчужка-гончар, — пробормотала она.

— Но с компанией, что еще ужасней, — сказал Поль. — Увы, отступать уже поздно.

— А кто остальные?

— Фотограф, продюсер с национального телевидения, музыкант и один французский коллега, и все к этому часу основательно надравшиеся.

— Ваш коллега?

— Это парижский антиквар.

Они подошли, и Роза вдруг почувствовала необыкновенную легкость. Я хочу выпить, сказала себе она, в конце концов, почему бы и нет? Японцы смотрели на нее приветливо, на губах Кейсукэ Сибаты играла насмешливая улыбка. Она встретила его взгляд. Сегодня вечер встреч лицом к лицу, подумала она и удивилась этой странной мысли. Француз, пятидесятилетний лохматый мужчина в кашемировом пуловере и завязанном большим бантом галстуке в горошек приподнял невидимую шляпу.

— Вы француженка, мадмуазель? — спросил

он.

Она кивнула. Он мило присвистнул.

— Простите, что не встаю, — сказал он, — но я не очень-то и в состоянии. Что до японцев, они варвары и не встают в присутствии женщины.

Он, казалось, задумался.

— Хотя я здесь единственный гей. — Потом, подлив себе выпить, добавил: — Впрочем, не вижу связи.

Роза и Поль уселись, японцы шумно потребовали еще саке, она залпом выпила.

— Меня зовут Эдуар, — сказал антиквар, рядом с которым она оказалась. — А вас?

— Роза.

Кейсукэ, ухмыляясь, произнес имя ее отца.

— О, вы дочь Хару?

— В том числе, — ответила она.

— А в остальном? — осведомился он.

— Я ботаник.

— А кроме этого?

А кроме этого? — спросила себя она.

— Я зануда.

Он засмеялся и пустился в бессвязную беседу, которую она, не без помощи саке, охотно поддержала. Вечер продолжился, она пила, разговаривала с Эдуаром, смеялась и через час

осознала, что блистательно пьяна. Кажется, речь шла о цветах, ресторанах, любви, предательстве, но уже некоторое время ее взгляд постоянно возвращался к небесному бамбуку, одна из ветвей которого, расположенная чуть ниже остальных, чуть касалась деревянного пола; ветвь казалась мятежным пером на гладком оперении нежно-зеленой птицы; выбившись из рядов, мешая проходу, она что-то вопила изо всей силы своих хлорофилловых легких. Сидя напротив, Поль беседовал с соседями; Кейсукэ регулярно криком требовал еще саке.

— О чем они говорят? — спросила она Эдуара.

— О политике.

Разговоры постепенно иссякли. В тишине Кейсукэ мотнул подбородком в ее сторону.

— Он говорит, что у вас теперь не такой замороженный вид, — сказал Поль.

Поэт смотрел на нее, она прочла в его глазах иронию и, к ее удивлению, бесконечную доброжелательность.

— Он говорит, что вы красивая, только не улыбаетесь, и вдобавок слишком худая.

Пьянчужка добавил еще несколько слов, рассмешивших остальных.

— А сейчас? — спросила Роза.

— Это было адресовано мне, и я не буду переводить, — ответил Поль.

Перейдя на японский, он рассказал какую-то историю, и Роза ясно различила *Рёан-дзи*, все расхохотались. Эдуар хлопнул ее по спине.

— Я поделился вашим сравнением Рёан-дзи с гигантским кошачьим лотком, — сказал Поль.

Кейсукэ закричал что-то, хлопая по столу, и собутыльники выразили одобрение, дружно закивав.

— Гребаные монахи дзен, — перевел Поль.

Гончар впал в угрюмость.

— Рёан-дзи — конец света, — снова перевел Поль.

Никакого объяснения не последовало, и все возобновили разговор, Розу развлекал Эдуар. В какой-то момент, когда Поль отошел, чтобы поприветствовать у входа кого-то из знакомых, она спросила у нового друга, что именно Поль не пожелал перевести несколько минут назад.

— Охотно, — хохотнул тот. — Кейсукэ сказал ему: ты должен как следует оттрахать ее, это окончательно ее разморозит.

Он глянул на Поля.

— Лично я бы не отказался, — добавил он.

Потом, поскольку Поль был уже близко:

— Я вам ничего не говорил.

Снова повисло молчание, и Кейсукэ наставил палец на Розу. Ага, подумала она, вот и встреча лицом к лицу. Он заговорил, и Поль, встав и придвинув стул от соседнего стола, уселся у Розы за спиной. Он переводил синхронно, и она чувствовала его дыхание на своем затылке.

— У твоего отца был дух самурая в теле торговца, этакий говнюк-эксплуататор, хотя платил он хорошо, а главное, был верным другом. Поль той же породы, не такой жесткий, зато хитрее. А поскольку он бельгиец, японцы не замечают его маневров. Он все перенял у своего наставника, был его учеником, поверенным, врачом, другом.

Он сделал паузу. Роза время от времени возвращалась взглядом к ветви бамбука позади гончара. Ей не давала покоя эта асимметрия, эта непокорная истома.

— Ты знаешь, что такое друг? — продолжил Кейсукэ.

— Мертвый человек? — предположила она.

Когда Поль перевел, он прыснул.

— Твой отец говорил: тот, с кем ты согласен угаснуть. Люди с гор полные недоумки, но, когда все рушится, единственный, кого ты хочешь видеть рядом, это дурак вроде них. А ты? Ты на-

столько же глупа и восхитительна?

— Нет, — сказала она, — я француженка.

Он снова хохотнул.

— Ты и впрямь дочь своего отца, — выдохнул он.

Кто-то, проходя мимо, задел бамбуковую ветвь, придав ей изгиб, заворожи́вший Розу. Кейсукэ задал Полю вопрос, тот ответил одним словом.

— Ты знала, что твой отец любил цветы? — спросил алкаш. — Но ты же дурацкий ботаник, ты наклеиваешь на них ярлыки, а на самом деле тебе на них плевать.

Она посмотрела ему в глаза и увидела в них только нежность. К кому? — спросила себя она. К нему? Ко мне?

— Твой отец, по крайней мере, умел их видеть, — снова заговорил Кейсукэ.

— Все цветы, кроме Розы[113], — сказала она.

Он продолжил свою мысль, будто не услышал ее замечание.

— Ты на чем-нибудь специализируешься?

— Геоботаника.

— Идешь по следам цветов? — спросил он.

— В каком-то смысле.

---

[113] Примечания: 113

Цитата из детской считалки «Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме…»

Он засмеялся.
— Пора бы тебе их найти.
Он заказал еще саке.

– *Одна роза — это все розы.* Так сказал Рильке[114], и это совсем не то, что вся твоя дерьмовая наука. Думаешь, твой отец не смотрел на розы? У него была жизнь торговца, и он никогда ничего не понимал в женщинах, но он был самураем, он знал, что прямые пути гибельны.

Роза вернулась к бамбуковой ветви. Что-то царапалось в глубинах ее интуиции, высвобождалось и настойчиво стучалось в дверь сознания.

— Если они гибельны для мужчин, то почему не для женщин? — опять перевел Поль. — Если ты этого не поймешь, можешь отправляться прямиком в ад.

Гончар громко шмыгнул носом, утерся рукавом куртки.

— Ты молода, еще можешь сделать шаг в сторону. Потом будет слишком поздно.

Казалось, он хотел добавить еще что-то, но передумал. Посмотрел на Поля.

— Ты тоже хорошо это знаешь, пепел, пепел…

Он устало махнул рукой, уткнул голову в ладони, что-то пробормотал.

— Что он сказал? — спросила Роза.

— После пепла — розы, — ответил Поль.

---

[114] Примечания: 114

Это строка из посмертного стихотворения «Розы» немецкого поэта Райнера Марии Рильке (1875–1926).

Его голос стал глухим. Я пришла после битвы, подумала она, они вместе пережили конец света, я всегда буду лишней в этом единении. Поль пересел на свое место по другую сторону стола, она почувствовала себя покинутой.

— Кейсукэ обращается ко мне на «ты»? — спросила она у Эдуара.

— Обращения на «ты» и «вы» как такового в японском не существует, но он говорит с вами как с дочерью, местоимениями, которые во французском эквивалентны обращению на «ты».

— Как с дочерью? — повторила она. — Я заполучила в предполагаемые отцы мертвеца и пьяницу.

— Он потерял троих детей, — предупредительно заметил Эдуар, — нельзя винить его за то, что он достаточно безумен, чтобы пожелать удочерить французскую зануду.

Через некоторое время Поль встал и попрощался с компанией. Он казался совершенно измотанным, она послушно последовала за ним. У выхода она сделала небольшой крюк, обогнув непокорную бамбуковую ветвь, и отчетливо почувствовала, что ступила на давно известный и давно забытый короткий путь; на мгновение она остановилась, завороженная этим кружным

проникновением туда, где не было ни материи, ни субстанции. На улице она сделала глубокий вдох. Воздух пах летом, Канто ждал их, стоя в темноте, — молчаливый, ирреальный. Садясь в машину, она внезапно развернулась и оказалась вплотную к Полю. У него вырвался удивленный жест, он чуть отступил. Она чувствовала себя пьяной, но удивительно бодрой.

— Вы не хотите… — пробормотала она.

Она положила ладонь на его запястье. Он взял ее за плечи, мягко, как ребенка, усадил в машину. Она страстно желала, чтобы он захотел, но захотел чего? Она запуталась в своих мыслях.

— Вы выпили целую бочку, — сказал он, — да и я не слишком трезв.

Он склонился к ней.

— Завтра утром я заеду за вами и отвезу в другую часть города. Потом мы поедем к нотариусу.

— И что там будет? — спросила она.

— Он скажет, что вам оставил Хару.

Она хотела ответить: какая мне разница, что он оставил? Но за спиной Поля, у поворота, где улица выходила на реку, увидела, как поднимаются к луне огромные полотнища тумана. Она подумала о бамбуке-отступнике, о его упорном надломе, о его живучести беглеца — где-то в ее

голове голос Кейсукэ проговорил *шаг в сторону*, и она услышала, как отвечает:

— Я это приму.

Прежде чем он захлопнул дверцу, она заметила вспышку волнения на его лице — вот он, настоящий Поль, подумала она, — потом машина скользнула в ночь. Она вернулась к Хару, как возвращаются к себе домой. Из своей спальни она поклялась в верности туманам, поднимающимся к горам, к небу муссонов, к рыжей луне. Она забылась тяжелым сном, на мгновение проснулась, поискала небесное светило за окном, нашла — охряное, огромное, прочерченное темными ветвями.

月耕隨筆
西行法師

10

На самом закате династии Мин будущий художник Шитао, которому было тогда три года, потерял всю свою семью, убитую мятежниками, враждебными двору императора Чунчжэня[115]. От резни его спас слуга, который отвел его к буддийским монахам на горе Шианг. Там он выучился каллиграфии. Позже он ушел в мир исполнить свою судьбу художника.

Шитао, чье имя означает «окаменевшая волна», умел так изображать скалы, что они казались живыми, но его настоящей страстью были мхи. Однако он никогда не наносил их на свиток. Однажды, когда его друг художник Чжу Да осведомился о причине, он сказал: *мох ласкает камень, как любовница, вскоре, возможно, я смогу написать его — и тогда, вдали от битв, я сделаю из своего искусства рассказ о любви.*

---

[115] Примечания: 115

Чунчжэнь (Чжу Юцзянь, 1611–1644) — шестнадцатый, и последний, император династии Мин.

Мох ласкает камень

С утра ливмя лил дождь. Мир исчезал, река кипела рябью. Роза встала на колени на татами, увидела, что там уже ждет поднос со стаканом воды и белой таблеткой. Она представила, как Поль звонит Сайоко, как они говорят о ней, как он дает указания. Ее охватила волна желания — смутного, не имеющего очертаний. Она приняла таблетку, снова легла. *Он в точности знал, кто он.* Она попыталась вспомнить их разговор, обстановку, тон. Как человек может узнать, кто он? — задумалась она. В памяти всплыло золото стен — камни, их внезапное присутствие, их бессловесный дар. Как назывался тот сад? Рёан-дзи, сказала себе она с ощущением победы. Потом пришла горечь: я не существую, я не могу узнать, кто я.

Она приняла душ, оделась; каждое движение давалось с трудом; снова легла, подождала, пока пройдет мигрень, заметила, что камелия исчезла. Через какое-то время отправилась в большую гостиную и нашла там Сайоко в коричневом кимоно и оби с пионами, как в первый день. Сидя за низким столиком, та что-то записывала

в расходную книгу. Сайоко встала, исчезла на кухне и вернулась с утренним подносом. Пока Роза боролась с цельной рыбиной, японка продолжила свои подсчеты. Звук дождя, падающего на мох под кленом, был непривычно приглушенным. Роза закончила завтрак, решила пройтись, передумала.

— No flowers in my room today?[116] — спросила она.

Сайоко улыбнулась:

— Paul san want you choose[117].

Удивленная Роза замолчала. Сайоко какое-то мгновение ее рассматривала, серьезно и сосредоточенно.

— Paul san secret man[118], — сказала она наконец. А поскольку Роза смотрела на нее с еще большим удивлением, добавила: — Very brave. He know flowers[119].

Какая связь? — подумала Роза. А я? Я муже-

---

[116] Примечания: 116
В моей комнате сегодня нет цветов? *(англ.)*

[117] Примечания: 117
Поль-сан хочет, чтобы вы сам выбрать *(англ.)*.

[118] Примечания: 118
Поль-сан тайный человек *(англ.)*.

[119] Примечания: 119
Очень храбрый. Он знать цветы *(англ.)*.

ственный человек?

— Rose san want which flower?[120]

Она немного растерялась.

— In France, I like lilac[121], — сказала она.

— We have lilac in Japan[122], — сказала Сайоко. — *Rairakku*. Good season now[123].

Послышался звук раздвигаемой входной двери, и в комнату вошел Поль; Розу в самое сердце поразили его улыбающееся лицо, задумчивый взгляд; он красивый, подумала она. Он сказал несколько слов Сайоко, и та удалилась мелкими торопливыми шажками.

— Вам удалось отдохнуть? — спросил он.

— Да, только голова болит, — ответила она. — А вам?

— Я спал как сурок и теперь другой человек.

Сайоко вернулась с двумя чашками кофе, он медленно пил свою, пока японка что-то быстро говорила, Роза ждала, глядя на них и чувствуя,

---

[120] Примечания: 120
Роза-сан хотеть какой цветок? *(англ.)*

[121] Примечания: 121
Во Франции я люблю сирень *(англ.)*.

[122] Примечания: 122
У нас в Японии есть сирень *(англ.)*.

[123] Примечания: 123
Сейчас самый сезон *(англ.)*.

как в ней зарождается, тут же рассеиваясь, тайная жизнь. В какой-то момент оба глянули на нее, потом Сайоко чуть качнула головой.

— Вы готовы? — спросил он. — Сегодня нам лучше не выбиваться из расписания.

В машине его близость взволновала ее. Он все еще казался усталым и немного отсутствующим.

— Куда мы едем? — спросила она.

— На другой конец города, в Арасияму.

— Это что-нибудь означает?

— Штормовая гора.

— И какой там храм?

— Сайхо-дзи.

Они долго ехали на запад, в молчании, не глядя друг на друга. Город менялся, становился унылым, безликим, лишенным очарования центра; вдоль дороги вплотную друг к другу стояли бесцветные дома вперемешку с неоновым уродством; ее привела в замешательство мысль, что в Японии она видела только шесть храмов и одно кладбище. Наконец они свернули на узкую улочку, идущую вдоль зарослей высокого бамбука, в почти сельский район. Перед воротами уже толпились в ожидании другие посетители. Шел дождь. Через несколько минут им открыл монах в черном облачении с белым подворотничком, Поль и

остальные протянули ему какие-то бумаги и пошли следом к обычным деревянным зданиям. Их привели в большое помещение с низкими пюпитрами, на которых лежали листы бумаги, тушь и кисточки. Поль сделал Розе знак остаться в глубине и занять место за одной из подставок. Она взяла пример с соседки-японки, присела на пятки, чуть сдвинув большие пальцы; Поль с легкой болезненной гримасой присел рядом. Она посмотрела на листок перед собой, увидела иероглифы, захотела получить объяснение, но в этот момент появилась вереница монахов и направилась к центру зала. На тяжеловесном английском старший монах с угрюмым видом предложил им обвести тушью символы лежащей перед ними сутры. Молодой монах уселся по-турецки перед маленькой скамейкой, на которой стоял черный блестящий сосуд, второй монах — перед резной деревянной рыбой, помещенной на большую вышитую подушку. У обоих в руках были тонкие палки. Роза зевнула.

Три кристаллических звука, сопровождаемые глухим «пок», подействовали на нее, как толчок в живот. Выпрямившись, она увидела, как первый монах отводит свою палку от блестящего сосуда, в то время как второй в быстром, размеренном рит-

ме наносит удары по деревянной рыбе. Началось пение, поплыл аромат благовоний, голоса были монотонными и прерывистыми. Кристальный звук сосуда время от времени размечал речитатив. Японка рядом с ней копировала свою сутру, но Роза чувствовала, как ее захватывает глубинный поток, как пьянит запах влажной земли, смешанной с пылью и цветами. Наконец монахи замолкли. Высокий угрюмец сказал что-то, чего Роза не поняла, и им раздали деревянные таблички. Японка указала ей на кисточку и сказала:

— Write wish[124].

— Что это было? — спросила Роза у Поля.

— Hannya shingyō, сутра сердца, — ответил он.

— В ней говорится о любви?

— В ней говорится о пустоте.

— Сутра сердца говорит о пустоте?

— Сутра сердца мудрости — да.

Она засмеялась.

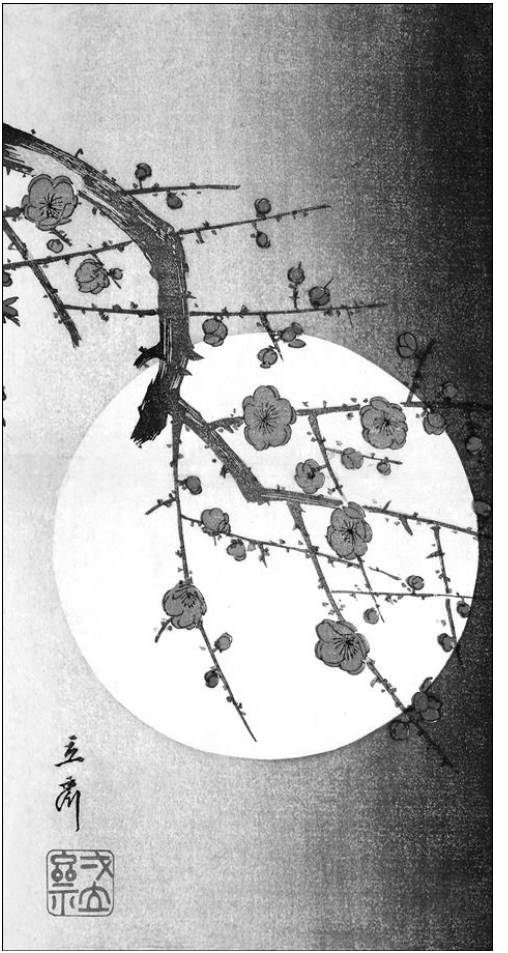
— В кои-то веки я чувствую себя на своем месте, — сказала она.

Он улыбнулся, поднялся, не удержавшись от болезненной гримасы. Они последовали за остальными к воротам в стене, за которыми им

---

[124] Примечания: 124
Напишите желание *(англ.)*.

сказали еще что-то, но Роза уже не слушала. Наконец они были свободны. Моросил легкий дождь. Пение еще звучало в ней — звонкий всплеск, глухой перестук. Они пошли по мощеной аллее, вьющейся под множеством кленовых крон. Это же подлесок, с удивлением подумала она. Дождь редкими каплями проникал сквозь ветви деревьев; повсюду безраздельно властвовал необыкновенный мох; густой, подвижный, лежащий на корнях и камнях, он искрился отсветами и дождем.



— Другое название Сайхо-дзи — Кокедера, храм мхов, — сказал Поль.

Этот мох волшебный, подумала она, или земля, да, скорее, земля подо мхом.

— Хару думал, что земля Кокедера магическая.

— А вы? — спросила она, хотя хотела сказать: а ты?

Он промолчал. Потом, когда они подошли к затерянному под кронами пруду, произнес:

— Для меня это земля воспоминаний.

Роза посмотрела на пруд. Через правую его часть был перекинут поросший мхом мост, форма берегов что-то значила, как письмена.

— Влажность водоема поддерживает во мхах жизнь, — сказал Поль.

— У него странная форма, — сказала Роза.

— Говорят, она изображает иероглиф сердца.

Он поднял голову, посмотрел на деревья.

— Это последняя беззаботная прогулка.

Ветер печали пронесся над Розой. Я никого не оплакиваю, подумала она. Матовый кристалл сутры продолжал баюкать ее, как мелодия, которую кто-то напевает вдали. Мох переливался жемчужинами дождя — роса муссона, сказала себе она. Они пошли дальше. От земли исходило нечто, она ощущала ее касание, ее тайную магию.

— Анне был год, я носил ее на спине, — сказал Поль. — Она утверждает, что помнит это, но я не понимаю, каким образом.

Озорные бесенята, подумала Роза. В молчании они двинулись дальше. Когда они приблизились к краю сада, она глянула на деревья, уходящие корнями в нескончаемый бархат; посмотрела на капли дождя, на благостность воды на растении и растения на земле; это ласка, сказала она себе. Братство росы и мха, слияние кристалла, земли и дерева вдруг привели к очевидности: она никогда не переставала оплакивать Паулу, она оплакивала ее годами, веками молчания. Она поднесла руку к сердцу, потом все претворилось в благоухание кладбища, в псалом черного дождя.

Они вернулись к машине и поехали дальше; несколько километров по сельской местности, потом вдоль реки на север, пока не добрались до большого железного моста в оживленном районе со стоящими на берегу ресторанчиками и живописными магазинчиками. Они оставили машину чуть дальше, прошли под короткими полотнищами серой гардины и оказались в зале с татами, выходящем на сад азалий. Поль заказал, им принесли чай и ледяное пиво, перед каждым поставили лаковую коробочку и маленький де-

ревянный сосуд, из которого торчал изогнутый стебель. Роза открыла свою коробочку и обнаружила лежащие на рисе ломтики рыбы в густом рыжеватом соусе.

— Угорь, — сказал Поль.

Он взял маленький деревянный сосуд и посыпал находящимся в нем зеленым порошком свою рыбу.

— Sanshō[125].

Она попробовала угря. Мясо отделялось дольками от серой и жирной кожи. Ее удивил сладкий вкус соуса, тающая консистенция рыбы, ее шелковистая текстура, словно лишенная плотности и вязкости, гармоничность сочетания с уксусным рисом; она выпила пиво, глядя на Поля; его молчание приносило облегчение. Он закончил обед, откинулся на перегородку, вытянув ноги. С болезненной силой она пожелала, чтобы он ее желал, чтобы захотел разделить с ней то, кем он был. *Поль существо закрытое, сложное*. Кто мне это сказал? — подумала она. А, Бет Скотт.

— Сайоко не любит Бет Скотт, — сказала она.

Он весело вскинул бровь.

— Бет не слишком популярна в Киото, у нее

---

[125] Примечания: 125

Сансё *(яп.)* — национальная слабожгучая японская приправа.

репутация человека, безжалостного в делах и не соблюдающего правил. Она не очень думает о других, когда речь заходит о ее интересах.

— В какого рода делах?

— После смерти мужа она унаследовала недвижимое имущество и превратила его в империю.

— Муж был японцем?

Поль кивнул.

— Она молодчина, — сказал он. — Что бы там о ней ни думали, и притом что она иностранка, ей удалось добиться здесь признания. Это само по себе подвиг.

— У вас хорошие отношения?

— Очень хорошие.

— А у моего отца?

Роза увидела, как по его телу пробежала дрожь, потому что она сказала «моего отца».

— Хару очень ее любил.

— Почему?

— Он любил раненых людей.

— Она потеряла ребенка, верно?

— Вы делаете выводы на основе весьма недостаточных признаков, — сказал он.

В смущении она отрицательно покачала головой.

— Я это замечаю не в первый раз.

В его взгляде появилась странная мягкость, она представила себе, что он думает о ком-то другом, что с недавнего времени он полюбил неизвестную женщину, ужаснулась при мысли, что он скоро исчезнет из ее дней, из ее поля зрения, из ее жизни.

— Пора отправляться к нотариусу, — сказал он, вставая.

Пока он расплачивался за стойкой у входа, она заметила, что у него болит бедро. Он сделал шаг к выходу, обернулся, потому что она оставалась позади.

— Это не был несчастный случай в горах, — сказала она.

Тень усталости прошла по его лицу.

— Да, — подтвердил он.

Она вышла вслед за ним на улицу. Опять зарядил дождь. Канто что-то сказал, и это заставило Поля достать телефон и заговорить с кем-то по-японски. Она смотрела на затопленные улицы, прохожих, прозрачные зонтики. Нежность мха плыла за ней следом, не позволяя погрузиться в бездны грусти. Я дочь Хару, подумала она, я всего лишь дочь, которую Хару попросил поводить по Киото. Он знает меня уже двадцать лет, он знает, какая я, знает про пустоту внутри меня и про

мой гнев. Внезапное осознание, что он видел ее на фотографиях вместе с ее любовниками, причинило ей мучительную боль. *Все это время он любил, он страдал, потому что любил.* Машина остановилась на улице в центре, под проливным дождем. Канто подошел открыть дверцу и нес над ней зонтик до самого входа в серое, унылое здание. Поль присоединился к ним, толкнул дверь, зашел первым в путаницу коридоров, открыл другую дверь. Служащая за стойкой встала, поклонилась им и провела в кабинет, где ждали мужчина в возрасте и молодая женщина, которая тоже поклонилась.

— Я буду вашим переводчиком, — обратилась она к Розе.

— Разве Поль не может перевести? — спросила та.

— Таков закон, — сказала молодая женщина, — сожалею.

Она была очень красива, со светло-серыми глазами и профилем камеи.

— Все в порядке, — сказала Роза, сожалея о собственной грубости.

Поль обменялся с нотариусом дружескими приветствиями. Со своим широким ртом, узким лбом и живым инквизиторским взглядом тот походил

на старую лягушку; на губах добродушная улыбка; любопытная кабинетная амфибия, подумала она. Все казалось ей нереальным.

— Мне поручено ознакомить вас с последним волеизъявлением вашего отца, — перевела молодая женщина, и Роза почувствовала, что цепенеет.

Ей не удалось сосредоточиться, она разобрала лишь случайные обрывки слов, не поняла их и, задыхаясь, забилась в черной ледяной воде. В какой-то момент встретила встревоженный взгляд Поля. Он встал, подошел и положил руку ей на плечо; мягкое давление вернуло ее на поверхность. Нотариус протянул ей досье, она не знала, что с ним делать, Поль взял его вместо нее и остался стоять рядом.

После паузы переводчица спросила:

— Вы все поняли, у вас есть вопросы?

Она отрицательно покачала головой. Молодая женщина продолжила:

— Теперь вам нужно подписать документы.

Роза посмотрела на Поля и пробормотала:

— Я хочу уйти.

Он что-то сказал нотариусу, взял ее за руку и повел по коридорам. Под портиком входа в оглушающем шуме потопа она судорожно втянула

воздух.

— Мы возвращаемся домой, — сказал Поль.

В машине она разразилась тяжелыми рыданиями. Он обнял ее за плечи, что-то сказал Канто, который быстро куда-то позвонил, потом прикоснулся губами к ее виску, погладил по волосам. Рухнули последние стены, она зарыдала еще сильнее, как ребенок. Перед домом боль оттого, что Поль отстранился от нее, стала непереносимой. Сайоко ждала их на возвышении у входа с какой-то тканью в руках. Обернула ею Розу и, прижимая ее к себе, повела в комнату с кленом. На низком столике дымились чашки с чаем, плавал аромат легких благовоний; Роза осела на пол. Поль тихо говорил, Сайоко кивала. Он присел рядом.

— Отдохните, я вернусь позже, — сказал он.

Сквозь слезы она замотала головой, но он отошел и, дав последние указания Сайоко, направился к выходу. Японка встала на колени, вытерла ей щеки носовым платком. Внезапно Роза вскочила, бросилась в прихожую и босиком выбежала в сад. По другую сторону калитки перед машиной Поль закрывал зонт.

— Не уходите! — закричала она.

Он оставил зонт, вернулся и, пока она стояла,

замерев, под струями воды, прижал ее к себе. Сайоко вышла, они снова отвели ее в дом. Поль склонился над ней, мягко откинул волосы.

— Я скоро вернусь, — сказал он.

— Прошу тебя, — пролепетала она и взяла его за руку.

Он убрал руку, она опустила голову, не желая видеть, как он уходит. Слова нотариуса залпами вспыхивали в голове. Она унаследовала все имущество отца, он оставил для нее письмо, Поль добавил к нему то, которое читал на кладбище. Она легла. Прошел час. Сайоко заглянула сказать, что ей надо отлучиться, Поль придет к ужину, а сейчас Роза должна поспать. Роза молчала. Вскоре зазвонил телефон, она увидела «Поль» на экране и услышала его голос:

— Роза, не беспокойтесь, я приду вечером.

— Вернись сейчас, — прошептала она. Он повесил трубку.

Она взмолилась клену, призвала мхи храма, их зов, их касание. Услышала шум, вышла в прихожую, отодвинула дверь и оказалась лицом к лицу с Полем.

Она засмеялась. Он сделал шаг вперед и обнял ее.

11

Поговаривают, что мастер написанных черной тушью акварелей Сэссю, который жил во времена сёгуната Асикага[126], стал истинным изобретателем абстрактной живописи. Он был великим мастером линии и композиции, но больше всего любил разбрызгивать как придется капли туши по еще нетронутому свитку. Однажды богатый клиент, удивленный подобной фантазией, спросил, что он рассчитывает в результате получить. Ветку вишни, ответил художник и на глазах изумленного патриция превратил черных светлячков в умирающую ветвь, осыпанную лепестками. Значит, живопись — всего лишь импровизация? — спросил тот. *Мир как вишневый сад, на который три дня никто не смотрел,* ответил Сэссю.

Мир как вишневый сад

Он не отпускал ее, пока они шли в спальню, смотрел ей в глаза, пока они раздевались; ей по-

[126] Примечания: 126

Сёгунат Асикага — самурайское правительство во главе с сёгунами из рода Асикага.

казалось, что она впервые видит тело мужчины. Когда он вошел в нее, она прижала его к себе с неутолимой жадностью; он подсунул руки под ее поясницу, сжал ее в ответ, уткнулся лицом в ее шею. Наслаждение укрывалось за другим, более мощным и незнакомым чувством — такова *близость*, внезапно сказала она себе, и опьянение этим открытием смешалось с ее оргазмом. Позже он снова посмотрел ей в глаза, и она почувствовала, что по ее щекам текут слезы. Он кончил с криком облегчения, мучительной печали и признательности. Полнота их близости потрясала ее; другие мужчины всегда оставались бесплотными; она упивалась тем, что это тело Поля. Он откинулся на спину, не выпуская ее из объятий, но потом мягко отстранился и посмотрел на нее. Они заснули в шуме дождя. Вскоре Роза неожиданно проснулась. Она была одна. Приподнялась, услышала звук льющейся воды, снова упала на простыни. Поль вышел из ванной, одетый, с влажными волосами. Присел рядом с ней.

— Сайоко скоро вернется, — сказал он, — я отвезу тебя ужинать.

Она вгляделась в его глаза. Он обвил ее руками, приподнял, прижав к себе, и поцеловал. Она приняла душ, оделась, подкрасила губы и пошла

в комнату с кленом.

— Сайоко сейчас придет, — сказал он.

В прихожей она остановилась у большой глиняной вазы, где вскипали ветви белой пушистой сирени.

— Роза, — позвал он.

Они пробежали через промокший сад. В машине он положил свою руку на ее, дал краткое указание Канто, позвонил. День уходил в сумеречной ясности; с темного неба пробивался резкий конусообразный свет, очерчивая контуры туч; улицы неслись, как кометы. Снова центр, темный проход, лифт на последний этаж. Они не разговаривали, только смотрели друг на друга. Наверху они зашли в зал, одна стена которого была целиком из стекла — без видимой рамы, вровень с деревянными перегородками. Восточные горы спали за ней в гигантской немоте, свет струился из невидимых колодцев. Справа в нише исходила неизвестными ветвями светлая глиняная ваза. Их устроили за столиком у стеклянного проема, саке появилось незамедлительно. Поль разлил и откинулся на спинку стула. Затаив дыхание, Роза ждала.

— Мне так жаль, что я сбежал, — начал он.

Она хотела что-то сказать, но он остановил ее

движением руки.

— Я хочу, чтобы ты знала, чем была для меня эта неделя.

Он улыбнулся, она улыбнулась в ответ.

— Я знаком с тобой уже двадцать лет, но после твоего приезда, несмотря на все, что мне было известно, я был поражен. На фотографиях видны были только безразличие и грусть. Я приготовился встретить дочь Хару, а передо мной оказалась незнакомая женщина.

Он сделал глоток саке.

— Я не ожидал ничего похожего на то, что ты есть.

— А что я есть? — спросила она, подумав: я каждый день задаю себе этот вопрос.

— Я пытаюсь это понять, — сказал он. И добавил задумчиво: — Во всяком случае, мощный цветок.

И после паузы:

— Хотя истины ради я должен напомнить, что ты плачешь каждые пять минут.

Им принесли сашими, он поблагодарил, сказал несколько слов. Официантка почтительно поклонилась, Роза поняла, что он попросил больше их не беспокоить.

— Когда я увидел, как на кладбище ты встала на колени и прикоснулась к земле, я полюбил

тебя с немыслимой силой. Тогда я сбежал в Токио. Когда Сайоко передала мне твою записку, я сел в первый же поезд, но не знал, что мне делать. Я словно окаменел.

Сквозь огромное стекло Роза угадывала сияние гор, их доброжелательность застывших героинь. У нее возникло чувство, будто она пытается укорениться в незнакомой материи, и она испугалась, что ее снова сметет буря.

— Как Сайоко могла передать тебе мое письмо, если ты был в Токио?

— Она сфотографировала его телефоном.

— И прочла?

— Она не говорит по-французски.

— Это и не обязательно, чтобы понять.

Он насмешливо глянул на нее.

— Могут ли люди вроде нас обрести покой? — спросила она.

Он промолчал, и она добавила:

— Люди, которые столько перенесли…

Он опять не ответил.

— До сих пор мне это не удавалось, — сказала она.

— Мы прожили последние дни на ничейной земле, а настоящая жизнь начнется сейчас. Кто может сказать, что будет дальше? Но я готов

попробовать.

Он коснулся ее руки.

— Я горю желанием попробовать, — сказал он.

Она наклонилась к нему, по щеке сбежала слеза.

— Я и представить не могу, что уеду, — прошептала она.

Увидела, как в его взгляде мелькнула та же странная нежность, которая раньше заставила ее поверить в существование другой женщины.

— Только Анна иногда помогает забыть вкус горя, — сказал он. — А сегодня вечером этот вкус исчез. Я думал, что нужно выживать, а оказывается, нужно умереть, чтобы заново родиться.

Она подумала о Кейсукэ Сибате, о том, что от него осталось, об его изможденной душе. Проглотила кусочек сашими из тунца, жирная тающая плоть принесла утешение.

— Я не могу вернуться с тобой к Хару, — сказал Поль. — Сайоко должна остаться там на ночь, а меня ждет Анна. Завтра утром я отведу ее на театральное представление. А потом заеду за тобой.

Она отложила палочки — разочарованная, растерянная.

— Тебе надо прочесть два письма, — добавил он.

К ним подошла женщина, и Роза узнала Бет Скотт.

— Бет, — сказал Поль, поднимаясь и обнимая ее, — что вас сюда привело?

— Деловой ужин, — ответила она, указывая на группу японцев за столиком у входа. Потом обратилась к Розе: — Выпьете со мной чаю завтра утром?

Предложение застало Розу врасплох, и она согласилась. Англичанка обратилась к Полю по-японски, тот кивнул. Она уже собралась удалиться, но обернулась и добавила несколько слов. Он растерянно взглянул на нее, коротко ответил. Роза провожала ее глазами, пока та возвращалась к своим сотрапезникам, говорила что-то шутливое мужчинам в костюмах, отчего те рассмеялись, подзывала официантку, которая торопливо подошла, очень низко кланяясь.

— Что она сказала? — спросила она.

— Назвала место, где вы завтра встретитесь.

— А потом?

Он заколебался.

– *Yononaka wa mikka minu ma no sakura kana*. Мир как вишневый сад, на который три дня никто не смотрел. Старая поговорка.

Она на мгновение задумалась.

— Что ты ответил?

Он помолчал.

— После пепла розы, — наконец выговорил он.

Он встал, она пошла за ним к выходу. Он помахал Бет. В лифте он притянул ее к себе и поцеловал. На улице их встретил дождь и ветер, он на несколько секунд сел в машину, оставив дверцу открытой.

— Кто перевел письма? — спросила она. — Ты? Я смогу это пережить? Или же Сайоко снова придется заворачивать меня в огромную шаль?

Он улыбнулся.

— Письма перевел я, — сказал он.

Наклонился к ней, коснулся ее губ и ушел.

Дома она пошла к себе в спальню, разделась, легла в темноте и долго не засыпала. В какой-то момент ночной просвет в тучах обнажил серебристую луну. Роза заснула с ощущением благодати. Утром она проснулась, тут же вскочила, быстро оделась, пошла в комнату с кленом и нашла там Сайоко за низким столиком.

— You meet Scott san at eleven, — сказала та. — Kanto coming at ten forty five[127].

---

[127] Примечания: 127

Вы встречаться со Скотт-сан в одиннадцать… Канто приехать в десять сорок пять *(англ.)*.

Зазвонил телефон Розы. Голос Поля произнес:

— Роза.

Она засмеялась, ответила:

— Поль.

Он тоже засмеялся.

— Я встречусь с тобой после полудня, — сказал он.

Она повесила трубку. Вернулась в спальню, достала письма отца из врученного нотариусом досье, снова пошла в большую комнату и положила их на пол перед стеклянной клеткой. Сайоко посмотрела на нее поверх очков, Роза попросила кофе и улеглась на низкую софу. Без четверти одиннадцать она вышла из дома. Бледное солнце пробивалось сквозь бледный туман, утро в сером безразличии испускало дух. Недолгая поездка, и она вышла из машины у современного здания из светлого дерева; вдоль длинных застекленных проемов шли ажурные раздвижные деревянные панели, похожие на модное кружево. Вокруг вился канал из черного камня. Внутри полукруглый потолок нависал аркой из изогнутых деревянных реек. Все было прозрачным и изящно очерченным, неподвижная вода отражала роскошь неба. По другую сторону — зеленая лужайка, сад с кленом, вишневым деревом и карликовым бам-

буком; я могла бы там жить, подумала она. В глубине зала она заметила Бет. Обстановка была выдержана в строгих черно-бежевых тонах. В передней части стояли низкие книжные шкафы, на пюпитрах лежали книги по искусству. Она мельком увидела изображения деревянных галерей, чайных плантаций, кимоно. Бет подняла глаза.

— Вы потрясающе выглядите, — сказала она.

Роза уселась напротив. Телефон англичанки зазвонил. Она послушала, сказала три слова по-японски, повесила трубку со словами:

— Сайоко беспокоится о вас.

— Что ее связывало с моим отцом? — спросила Роза.

— Связывало? Она была его домоправительницей на протяжении более сорока лет. Он доверил ей свою жизнь, не говоря о своих счетах и стирке.

— У нее есть муж? Дети?

— И даже внуки, как и у большинства ей подобных, живущих под гнетом долга, жертв, обязанностей и молчания. Для Сайоко смерть Хару — трагедия, но вы никогда не услышите от нее ни слова жалобы.

— Она вас не очень любит, — сказала Роза.

— Какой эвфемизм, — сказала Бет, — но в неко-

тором смысле я ее понимаю. Японки, по сути своей, — светильник в тюрьме, а я прогуливаюсь со своей хандрой свободной женщины по их храмам и садам.

Перед Розой поставили черный лаковый поднос с пиалой матча в центре. На белой керамике в нескольких миллиметрах от верхнего края умирала цветущая вишневая ветка.

— Как необычно в это время года, — сказала Бет.

Ее пиала была коричневой, без узора.

— Итак, — сказала она, — Поль и вы.

Роза молчала.

— Жизнь удивительна, — снова заговорила Бет. — Я неверно о вас судила, вы не лишены способности меняться.

— Я могу вас еще удивить, — сказала Роза, — а вдруг завтра я брошусь в реку.

Бет коротко рассмеялась.

— Мало кого из мужчин я уважаю больше, чем Поля, — сказала она. — Достойны ли вы его? Клара была обворожительна, она его восхищала, делала его жизнь легкой и сияющей. А вы резкая, суровая, цельная, вы его не восхищаете, вы его потрясаете. Конечно, он думал, что придет день, когда он найдет покой с другой Кларой в подобии

прежнего счастья, и тут появляетесь вы со своей меланхолией, гневом и скверным характером.

Она отпила глоток чая и добавила:

— Все будет непросто.

Роза чуть коснулась губами своей пиалы.

— Вы потеряли сына, верно? — спросила она.

Она поняла, что у Бет перехватило дыхание, увидела, как та заморгала, восхитилась ее самообладанием.

— Вам не откажешь в интуиции, — в конце концов признала англичанка.

— Вы человек холодный и жесткий, но на Поля смотрите как на сына, — сказала Роза.

Бет безрадостно улыбнулась.

— Вы тоже жесткая, — сказала она, — но мне с вами хорошо, потому что я вижу, вы находите здесь то же успокоение, что и я.

Роза была озадачена.

— В других местах красота меня подавляет. Только здесь потеря кажется не такой беспощадной. Почему? Не уверена, что так уж стремлюсь понять, — боюсь, что при свете знания я лишусь и краткой передышки. Но я прихожу в эти сады, режущие, как камни, и нежные, как мох, и становлюсь другой женщиной, которая на мгновение принимает то, что случилось. Смерть сына пережить невозможно, просто становишься кем-то другим, кто время от времени способен

снова дышать.

Она глянула на Розу с грустью, к которой примешивалась усталость.

— С самой первой встречи я почувствовала к вам симпатию, — сказала она, — и поверьте, со мной такое не часто бывает. Вы сейчас готовы всем рискнуть и все потерять, так не упустите своего шанса.

— Вот интересный вопрос, — сказала Роза, — можно ли потерять то, чего никогда не получал?

Произнося «получал», она подумала о Поле с таким жарким желанием, что опустила голову.

— Самое тяжелое — это утратить способность давать, — ответила Бет. — Когда-то я была женщиной, которая любила и готова была броситься в огонь ради другого. Я лишилась этого по своей вине, и с того дня я скорее мертва, чем жива.

Она засмеялась с усталой иронией, элегантным движением провела рукой по лбу. Указала на пиалу Розы.

— Цветок вишни — мощный цветок. Его красивость лишь маска. Его буйная пылкость порождает безжалостную жажду, стремление к жизни, желание испробовать или умереть.

— Но в конце концов он умирает, — сказала Роза.

— В конце концов все умирают, да, — сказала Бет, — вот почему не стоит прежде времени противиться той партитуре, которую импровизирует жизнь.

Она тепло пожала Розе руку.

— Иначе, — сказала она, — это ад еще до ада.

Убрала свою руку, встала.

— Его звали Уильям. Он покончил с собой в двадцать лет. Это было тридцать лет назад, это было вчера.

Роза смотрела, как она удаляется, прямая и породистая в своем неисчерпаемом страдании. Потом тоже вышла из чайного домика и попросила Канто отвезти ее домой.

В пустой комнате с кленом она подошла к лежащим на полу письмам, снова увидела умирающую ветку вишни прямо у своих губ, представила себе цветы, буйство их лепестков — их жажду, ненасытность, безумное желание все испробовать и жить. Распечатала конверт, прочла первые строки и положила листок на стол. *Роза,* писал ее отец, *мир как вишневый сад, на который никто три дня не смотрел.*

江戸百景

12

В хаосе эпохи японского Средневековья, который летописцы тех времен назвали «мир наизнанку», один самурай-эстет, равно владевший искусством меча и каллиграфии, регулярно возвращался в свой дом в Кагосиме, на острове Кюсю. Там жили его жена и сын, а во внутреннем саду, окруженном деревянными галереями, рос изумительный клен. Когда ребенок подрос достаточно, чтобы высказать желание объездить архипелаг, отец указал на дерево с пламенеющими осенними листьями и сказал: *все перемены в нем, он более свободен, чем я; будь кленом и путешествуй по своим преображениям.*

Будь кленом

Она взяла другое письмо, распечатала его. Поль от руки приписал небольшое вступление: *Я не стал переводить вводные формулировки с перечислением имен, титулов и положенными вежливыми оборотами и перехожу сразу к сути.* Ее взволновал его размашистый, четкий почерк. Дальше шел отпечатанный на тонкой бумаге

текст. В самом конце на месте подписи Хару поставил свою печать. Он писал:

Перед вратами смерти мною овладело властное желание сказать Вам то, о чем я умалчивал почти всю свою жизнь мужчины. Сорок лет назад я полюбил французскую женщину. Из этой недолговечной любви родилась девочка, которая скоро приедет в Киото получить мое завещание. Она не знала меня, но узнает Вас. Примите ее хорошо, покорнейше прошу Вас об этом, оставаясь Вашим слугой и вечным должником.

Рука Розы дрожала. Перед ней снова предстало кладбище, колыхание деревянных палок, камни в лишайниках, лестницы духов; она представила себе Поля перед могилой Хару, читающего письмо онемевшей толпе, в нескольких шагах от могилы своей жены, в нескольких шагах от могилы Нобу. Она положила листок на столик, снова взяла первое письмо.

Роза, мир как вишневый сад, на который никто три дня не смотрел. Вчера ты была веселым ребенком, раненым подростком, молодой женщиной в гневе, но мир вращается так быстро, что сегодня я обращаюсь к женщине из прошлого, хотя написать хотел той, какой ты стала сегодня. В час смерти становится удивительно легко

составить опись своей жизни. Все уже рассортировано, осталась только голая кость жизни со своей главной сердцевиной. И сегодня я знаю: ничто не могло сравниться по важности с твоим рождением. Из всех сорока лет, прошедших с того момента, я вынес прежде всего любовь к тебе. Каким отцом я был бы, если бы после десятилетий отсутствия взвалил на тебя бремя своей болезни? Что я мог бы дать тебе из того, что не могу дать словами? Они избавят тебя от зрелища жалкого тела, от ужаса проигранных битв, от любви, обратившейся в наказание. Вместо всего этого я могу высказать тебе свое отцовское восхищение и радость оттого, что ты была частью моей жизни. Я смотрел, как ты росла, падала, поднималась, всегда цельная, всегда особенная, всегда несчастная. Наш неспокойный архипелаг приучил нас, японцев, к неумолимости горя. Именно благодаря этому прирожденному бремени мы сумели превратить нашу землю катаклизмов в эдем, и сады наших храмов являются душой этой страны бедствий и жертв. А благодаря моей крови ты постигаешь красоту и трагедию мира так, как не могут воспринять ее французы, вскормленные своими милосердными краями. В нашу вывернутую наизнанку эпоху,

которую нам выдают за современность, твоя японская душа обладает властью превращать разочарование и ад в поле цветов. Не сердись на меня за то, что я заставил тебя бродить из храма в храм, отчасти это была шутливая выходка, но еще искренняя надежда, потому что я знаю, как велика их способность нести покой и преображение. Праздные прогулки и слова, не считая имущества и произведений искусства, — вот мое истинное наследие. Ты мощный цветок, непредсказуемый и стойкий, я верю в твою силу, в твою решимость, а еще я надеюсь, что эти десятилетия молчания не прошли напрасно и что, несмотря на смерть, это письмо передаст тебе мое сердце и мою любовь. И тогда без потрясений и трагедии моя жизнь перейдет в тебя.

Роза, раскинув руки, легла прямо на пол. Клен тихо подрагивал. Я дома, подумала она и засмеялась. Прошло немало времени, пока она услышала, как раздвигается входная дверь и приближаются шаги Поля. Он сел рядом с ней, оперся об пол, обняв ее одной рукой за талию. Она поняла, что плакала безмолвными слезами, текучими и размеренными, как дождь. Он погладил ее лоб, пальцем смахнул слезу. Она посмотрела на него, он ее обнял, и они пошли в спальню.

Она с силой тонущего притянула его к себе и сжала, как накануне. *Придет ли день, когда я буду желать его по-другому?* — спросила себя она. Они были предельно серьезны, и эта серьезность придавала особый пыл каждому движению; их нагота казалась Розе чудом; наслаждение было жестоким, счастливым; Поль смотрел на нее с первозданной радостью, как человек, освобожденный от бремени. В момент оргазма его лицо стало таким, какого Роза еще не видела: сияющим, без следов печали. Она приникла к нему, спиной к его груди, он обвил ее руками, уткнулся лбом в ее затылок. Потом они посмотрели друг на друга. Поль нашарил куртку у себя за спиной, вытащил оттуда конверт с печатью Хару.

— Оригинал, — сказал он.

Она встала на колени, посмотрела на два знака, выведенные красной тушью на печати.

— Это один из самых сложных иероглифов в японском языке, — добавил он.

— Это же не его имя? — спросила она и в ту же секунду поняла и прошептала: — Роза.

— Никто не знал до его смерти.

Она открыла конверт, достала два листка почти прозрачной бумаги. Линии, начертанные черной тушью, вызвали ощущение диких трав. Наверху

слева, над текстом, стояло несколько отдельных знаков, по которым она провела подушечкой пальца.

– *Роза в росе одиноко царит надо всем*, — перевел Поль.

Увидев, как она вопросительно вздернула бровь, добавил:

— Это стих Кейсукэ, который Хару велел выбить на своей могиле.

Она снова увидела жемчужины дождя на мхах Сайхо-дзи, и ей показалось, что она различила размытое отражение лица.

— Он вырос на берегу горного потока, — сказала она. — Я скорее ожидала увидеть стих о ледяной воде.

— Хару представлял себе жизнь как течение реки, черной из-за своей глубины. Однажды я слышал, как Кейсукэ сказал ему: *ты правильно мыслишь, роза в росе на другом берегу*.

Она ощутила в себе незнакомый шепот, снова посмотрела на текст из подвижных трав.

— Красивое написание, — сказала она.

— Хару был торговцем, самураем, но прежде всего эстетом.

— Истинный японец, — заметила она.

— Вовсе нет, — сказал он. — В некотором роде

он был нетипичным, ему нравилось совсем не то, что японским мужчинам его поколения. Он не собирался жениться и создавать семью, не пользовался услугами гейш и тем более профессионалок. В его жизни было немало западных женщин.

— Бет в том числе?

— Да.

— Она любила японских мужчин?

— Она любила всех мужчин. У нее было много любовников, даже когда она была замужем.

— У меня тоже было много любовников, — сказала Роза.

— Я видел, — с улыбкой сказал он. — Но ты не была замужем.

Он замолчал.

— Почему Хару ничего тебе не завещал? — спросила она.

— Я отказался.

Он выпрямился, скривился.

— Мы поговорим об этом позже, — сказал он. — Сайоко скоро придет, а я хочу кое-куда тебя отвезти.

— Почему ты хромаешь? — спросила она.

Он не ответил, пошел в ванную, вернулся после душа уже одетый. Ее поразило умиротворен-

ное лицо, свет в глазах; она встала, подошла к нему; он обнял ее, поцеловал, по-детски радостно засмеялся. Она тоже приняла душ и оделась, присоединилась к нему в комнате с кленом, охваченная внезапным благоговением. Дерево тянулось к пепельным облакам, расправив ветви, как крылья, трепеща листьями, протянутыми к огромному невидимому костру. Что происходит? — спросила себя она. Посмотрела на небо, затянутое серыми облаками, набухшими грозой и бурей, и клен вознесся еще выше.

— Роза? — позвал Поль из прихожей.

Она оторвалась от созерцания растительной птицы, сделала несколько шагов. Обернулась в последний раз и, подчиняясь порыву, поклонилась. У входа Поль протянул ей зонтик, но, когда она шла к нему, в глаза ей метнулся пенный всплеск белой сирени, и она снова остановилась, пытаясь поймать ускользающую мысль. Подошла к взъерошенным гроздьям в нежной роскоши листвы и почувствовала, что мысль испарилась. Последовала за Полем; в машине взяла его руку и поднесла к губам. Они ехали на восток. Канто остановил машину перед широкой, обсаженной соснами и азалиями аллеей, поднимающейся к холму. Она вела к большим резным воротам под

кровельной крышей и шла дальше, еще выше. Слегка накрапывало, они медленно шагали.

— Через два года после смерти Клары я прыгнул в реку вместе с Кейсукэ, — сказал он. — Оба были вусмерть пьяны. Мы перелезли через перила моста Сандзё, я приземлился на камень, он остался цел и невредим. Потом, в больнице, он мне сказал: *ад — это когда даже смерть тебя не хочет*. Но для меня ад был в том, что я едва не подвел Анну.

— Что ты ей сказал?

— Правду. Что ее отец оказался дураком, который слишком много выпил.

Он засмеялся.

— Ей было четыре года. Она сказала мне: *тогда пей совсем мало*.

Аллея стала уже; наконец она вывела их к каменным стенам; сквозь решетку виднелись уходящие ярусами могилы.

— Переводить письмо Хару было трудно, — сказал он. — Да и решение, которое он принял раньше, было трудным. Мне бы хотелось, чтобы ты это знала.

Он остановился перед решеткой.

— Где мы? — спросила она.

— В Хигаси Отани.

— Кто здесь лежит?

— Из знакомых никого. Но это особое место, где проводится Обон, праздник мертвых.

Они зашли на кладбище, взбиравшееся по склону холма десятками аллей, вдоль которых скученно шли могилы — причудливый прилив серого немого камня. Тишину разрывали крики ворон, ей нравился этот странный хриплый звук. Поль двинулся по дороге к верхним уровням, она начала подниматься вслед за ним по длинным лестницам, меняющим направление; чуть приотстав, добралась, запыхавшись, до идущей поверху тропы. Он оперся на парапет, она встала рядом, тоже облокотилась и посмотрела на панораму. У их ног простирался гигантский мавзолей; дальше лежал увиденный с неба Киото, город чудес; на горизонте нависали над сумерками темные хребты Арасиямы. Дождь прекратился, небо было призрачным, пепельным, черные полосы по краям обрамляли облака.

— Обон? — спросила она.

— Во время Обона отдают дань почтения духам усопших, благодарят за их жертву, навещают могилы близких, даже если те похоронены вдали от дома, делают приношения покойникам, чтобы облегчить их печали. Празднества длятся ме-

сяц[128], но в момент кульминации здесь, в Хигаси Отани, зажигают десять тысяч фонариков.

— Приношения, чтобы облегчить мертвым печали?

— Говорят, Обон произошел из одной сутры на санскрите, которая означает «повешенный на изнанке ада».

В нашу вывернутую наизнанку эпоху, подумала она, и потом: в моей жизни все вывернуто наизнанку, я узнала отца через ребенка, которым он был, и через мужчину, которого желаю. Поль посмотрел на нее, она прильнула к нему, он обнял ее. Перед ними Киото погружался в ночь. Вокруг них могилы, орошенные росой с другого берега, трепетали невидимой жизнью мертвых. Поль поцеловал ее в висок.

— Мы те, кто выжил, — сказал он, — и останемся ими, пока другие не переживут нас.

И в огромном некрополе душ, повешенных на изнанке ада, Роза стала другой. В единой вспышке она увидела клен в его стеклянной клетке; уходящий корнями в текучесть мхов,

---

[128] Примечания: 128

Вообще-то, Обон празднуется три дня, но из-за расхождения между старым лунным календарем и грегорианским, на который Япония перешла в 1873 г., часть страны празднует его с 13 по 15 июля, а другая часть — с 13 по 15 августа.

но свободный под небом, источая вокруг себя жизнь своими бесчисленными преображениями, он нашептывал ей музыку ветра и листьев; она поплыла по ней без страха и гнева; в поле ее восприятия, в слаженной фарандоле деревьев и цветов скользили сады отца и несколько веток белой сирени. Она сделала вдох, почувствовала запах земли, камня, завершения. Осознала, что Поль плачет — без грусти, отдавшись своим слезам, ее присутствию, желанию, которое она в нем вызывала. Внутренне она закричала ужасным, чудесным криком, в котором родилась и умерла — и наконец возродилась.

— Есть только любовь, — сказал Поль. — Любовь, а потом смерть.

С благодарностью и признательностью
Жану-Мари Лаклаветину
Пьеру Жестеду
Жан-Батисту Вель Амо
Элен Рамирез Рико